

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ТЬМА ПОСЛЕ РАССВЕТА

А.Маринина. Больше чем детектив. Новое оформление

Александра Маринина

Тьма после рассвета

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Тьма после рассвета / А. Маринина — «Эксмо»,
2022 — (А.Маринина. Больше чем детектив. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-173587-6

Даже если рассвет наступит, то ему на смену снова придет тьма... Ноябрь 1982 года. Годовщина свадьбы супругов Смелянских омрачена смертью Леонида Брежнева. Новый генсек — большой стресс для людей, которым есть что терять. А Смелянские и их гости как раз из таких — настоящая номенклатурная элита. Но это еще не самое страшное. Вечером их тринадцатилетний сын Сережа и дочь подруги Алена ушли в кинотеатр и не вернулись... После звонка «с самого верха» к поискам пропавших детей подключают майора милиции Виктора Гордеева. От быстрого и, главное, положительного результата зависит его перевод на должность замначальника «убойного» отдела. Но какие тут могут быть гарантии? А если они уже мертвы? Тем более, в стране орудует маньяк, убивающий подростков 13—16 лет. И друг Гордеева — сотрудник уголовного розыска Леонид Череменин — предполагает худшее. Впрочем, у его приемной дочери — недавней выпускницы юрфака МГУ Насти Каменской — иное мнение: пропавшие дети не вписываются в почерк серийного убийцы. Опера начинают отрабатывать все возможные версии. А потом к расследованию подключаются сотрудники КГБ... Первый ретро-детектив Александры Марининой. Удивительно точная атмосфера позднего СССР, настроения людей, их страхи и надежды. Уголовники, сотрудники милиции и КГБ, простые граждане и те, кто был допущен к «социалистической кормушке», — у каждого из них своя история и свои мотивы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173587-6

© Маринина А., 2022

© Эксмо, 2022

Александра Маринина

Тьма после рассвета

© Алексеева М.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Елена Андреевна с огорчением смотрела на большой стол. Еще совсем недавно, каких-нибудь пару часов назад, до прихода гостей, стол был произведением искусства, даже блюда расставлялись с учетом сочетаемости цвета. Например, розетки с красной икрой ни в коем случае не должны были стоять рядом с селедочкой «под шубой»: светло-красное плохо смотрится рядом со свекольным бордо, и между ними непременно должно находиться что-нибудь светлое, скажем, слезящийся жирком балычок или осетринка горячего копчения. Стол был продуманным, нарядным и богатым, и Елена Андреевна Смелянская по праву гордилась своей репутацией хлебосольной и умелой хозяйки, любила принимать гостей и ловить на себе восхищенные взгляды участников застолья.

Сегодня пятнадцатая годовщина свадьбы, и по традиции они с мужем собирали тех, кто когда-то присутствовал на их бракосочетании. Жених был постарше, гости с его стороны – в основном товарищи по работе да парочка бывших однокурсников, а молоденькая невеста пригласила задушевных подружек. Со временем отношения с теми подружками остыли и распались, осталась только одна, одноклассница Танюша, и ее Елена Андреевна звала в гости каждый год. Карьера мужа, да и самой Елены, шла в гору быстро, товарищи-коллеги тоже становились солиднее, на месте не сидели, и с каждым годом Танюшка со своим семейством смотрелась в этой компании все более и более инородным телом. Елена это видела, но ей даже в голову не приходило, что можно не позвать подругу на годовщину. Во-первых, Татьяна – очаровательная женщина, и Михаил Филиппович, начальник управления в Минторге, без пяти минут заместитель министра, совершенно теряет голову и откровенно флиртует с ней, невзирая на присутствие Таниного мужа. Елена даже подозревала, что и в гости-то к ним он приезжает исключительно в надежде повидаться с подружкой хозяйки. Слабость к ней питает. Во-вторых, дружат их дети: Сережа, сын Смелянских, и Аленка, дочка Татьяны и Олега Муляра. Аленка на год младше Сережи, но девочка умненькая, начитанная, и подросткам вместе интересно. Елена даже подозревала, что ее сын немножко влюблен. Рановато ему еще, конечно, всего тринадцать, хотя через пару месяцев уже четырнадцать исполнится... Подростковые влюбленности – чушь собачья, не нужно обращать внимание, тем более девочка приличная, из хорошей семьи: Танюша – художница, работает в крупном издательстве детской литературы, сказки и всякие там приключения Незнайки оформляет рисунками, ее муж Олег – научный сотрудник в каком-то институте, занимается не то химической физикой, не то физической химией, Смелянская разницы не понимала, в тонкостях не разбиралась и потому никак не могла правильно запомнить. В такой семье не может вырасти девочка, которая научит Сережу плохому, правда же?

Когда Елена и Владимир вступали в брак в 1967 году, им даже в голову не приходило, что спустя много лет 10 ноября станет чуть ли не всенародным праздником. Эта дата считалась

Днем советской милиции с начала шестидесятых, но была самым обычным профессиональным праздником вроде Дня строителя, Дня медика или Дня сталевара. О таких датах помнят, как правило, только непосредственно причастные представители той или иной профессии. Кто же мог знать, что однажды на всю страну прогремит такой концерт в честь Дня милиции, после которого люди постараются не занимать вечер 10 ноября никакими делами, чтобы спокойно посидеть перед телевизором и полюбоваться на любимых артистов. О том, чтобы перенести дату празднования, Елена даже думать не хотела, но сочла, что если звать гостей к половине седьмого, то за время трансляции первого отделения можно хорошенько закусить и выпить, сказав все положенные тосты, а дальше уже кто захочет – будет поглядывать в экран телевизора, а кому неинтересно – просто пообщаются. Тем более на кухне теперь стоит второй телевизор, маленький: недавно вошло в моду в среде обеспеченных людей «с возможностями». Все равно в первом отделении только навязший в зубах официоз, классика, народное и просоветское; самое вкусное бывает во втором отделении: модная эстрада и остроязычные юмористы.

Кто ж мог знать, что в этом году концерта не будет... С самого утра по телику симфонический оркестр играет минорную музыку. Кто-то из властной верхушки умер, наверно. Но кто именно – пока не сообщают. Гости приехали вовремя, все собрались, кроме Михаила Филипповича. Лица у всех напряженные, растерянные. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: раз не сообщают ничего, значит, скончался САМ. И главный вопрос: кто будет после него? К чему готовиться?

Расселись за столом, вяло проговорили какие-то обязательные слова в честь крепкого семейного союза Владимира и Елены Смелянских, начали нервно жевать, запихивая в себя все подряд, не смакуя, не разбирая вкуса. И никаких восторженных комплиментов хозяйке, которая, между прочим, с шести утра на ногах, не вылезала из кухни, занимаясь пирогами, мясом, рыбой, нарезаая многочисленные изысканные салаты, украшая каждое блюдо цветочками и листочками, тщательно вырезанными из разноцветных сырых овощей. Никаких предварительных заготовок накануне, все должно быть свежайшим, сегодняшним.

В итоге красоты стола хватило хорошо если на первые полчаса, после этого смотреть на разоренные фарфоровые блюда, салатницы и розетки стало противно. Елена бросила взгляд на сына Сережу, который о чем-то шептался с Аленой Муляр, и повернулась к сидящему рядом мужу.

– Надо убрать детей из-за стола, – негромко сказала она. – Все хотят поговорить, а дети уже большие, незачем им это слушать.

– Верно, – согласно кивнул Владимир Александрович, – еще в школе пересказывать начнут, не дай бог. Пусть идут в Сережину комнату.

– Нет, пусть вообще уйдут, – решительно произнесла Елена Андреевна. – Сережина комната может понадобиться.

– Для чего?

– А вдруг Михаил Филиппович все-таки придет? Если кто и знает точно, то только он. Даже ты не знаешь, а ты, между прочим, в Мосгорисполкоме не последний человек. Если Михаил Филиппович так опаздывает, значит, у них срочное совещание. И именно по этому вопросу, – добавила она, понизив голос еще больше. – Тебе нужно будет место, чтобы с ним переговорить без посторонних ушей. Не на кухне же вам торчать, для чиновника такого уровня, как он, это недостойно.

Елена решительно поднялась, взяла стоявшее в центре стола блюдо, на котором грустили два последних пирожка: один, треугольный, с рисом и яйцом, другой, кругленький, с капустой.

– Принесу еще пирожков, – громко объявила она. – Дети, нужна ваша помощь.

Те послушно встали и проследовали за хозяйкой на кухню.

Кухня в квартире Смелянских была по меркам того времени поистине огромной: целых десять квадратных метров, места хватало и для рабочих поверхностей, и для круглого обе-

денного стола посередине. Сережа потянулся было к противню, на котором ровными рядами лежали румяные аппетитно пахнущие пирожки, и тут же отдернул руку и опасно оглянулся на мать.

– Берите, берите, – улыбнулась Елена. – Возьмите пакетик и положите, сколько захочется. Самая вкусная еда всегда та, которую съедаешь на свежем воздухе. Чего вам тут сидеть? У нас скучные разговоры про работу, вам такое неинтересно. И накурено будет. Сходите в кино или просто погуляйте.

– А мама разрешит? – робко спросила Алена.

– Я ее уговорю, – пообещала Смелянская. – Вы пока набирайте себе походный паек, а я пойду к твоей маме и спрошу.

– Ура-а! – радостно закричал Сережа, а Аленка густо покраснела.

Елена вышла на длинную лоджию, тянущуюся вдоль кухни и гостиной. Как же им повезло с этой квартирой! В Москве, да, наверное, и во всей стране дома строят по типовым проектам, а тут проект был разработан специально для дома, в котором квартиры улучшенной планировки получают те, кого простые люди причисляют к небожителям: известные артисты, писатели, крупные руководители. Уж на что Смелянские не рядовые чиновники, но даже им пришлось задействовать все свои связи и возможности, чтобы добиться ордера. А сколько денег ушло на подарки и подношения для тех, от кого зависело решение вопроса, – даже вспомнить страшно. Лоджия, на которую можно было выйти и из кухни, и из гостиной, стала для Елены Андреевны предметом особой гордости. Она дошла до стеклянной двери, ведущей в комнату, постучала. Сидящая у двери Татьяна сразу увидела ее, повернула ручку, открыла. Правда, получилась лишь небольшая щель, потому что дверь открывалась вовнутрь и распахнуть ее было совершенно невозможно из-за стоящего вплотную солидного полукресла. Но для негромкого разговора вполне достаточно.

– Что случилось?

– Ничего, просто не хотела кричать через головы, – объяснила Елена.

Супруги Муляр к инициативе Елены отнеслись одобрительно.

– Конечно, пусть идут. Нечего детям делать за взрослым столом, – сказал Олег. – Мудрая ты, Ленка!

– А что у вас идет в ближайшем кинотеатре? – озабоченно спросила Татьяна. – Не «детям до шестнадцати»? А то ведь не пустят. Погода отвратительная, если в кино сидеть, то в самый раз, а гулять плохо.

– Так через две улицы есть детский кинотеатр, там только фильмы для детей и подростков. Мультки всякие, приключения, – успокоила ее Елена. – Мы же туда ребят водили, забыла?

– А, точно! Надо же, совсем из головы вылетело... Тогда ладно. Олег, пойди дай Аленке рубль на кино и на буфет.

– С ума сошла, – рассмеялась хозяйка дома. – Какие деньги? Я Сережке дам, пусть приывает быть кавалером. А твоя пусть учится вести себя как настоящая девица и принимать знаки внимания. Сидите спокойно, угощайтесь, я сама их провожу.

Татьяна окинула глазами перспективу. Комната, конечно, просторная, но когда раздвинут длинный стол и вокруг него сидит полтора десятка взрослых людей, то встать и выйти, никого не беспокоя, могут максимум три человека. Всем остальным придется протискиваться и просить встать и пропустить. За многие годы в застолье у Смелянских сложились неписанные правила: за дальним торцом стола, спиной к окну, всегда сидел Михаил Филиппович, стоящий на чиновничьей лестнице выше всех присутствующих, рядом с ним справа – Татьяна Муляр, за ней – Олег. На противоположном конце, спиной к двери и прямо напротив шишки из Минторга, садился хозяин дома, Владимир Александрович Смелянский, справа от него – Елена.

Сейчас место Михаила Филипповича – то самое солидное полукресло, мешавшее балконной двери открыться, – пустовало.

Н-да, выйти незаметно у Татьяны не получится.

– Проследи, чтобы Аленка шапку надела, – попросила она. – Этой дурище кто-то сказал, что у нее красивая толстая коса, так она теперь хочет всему миру ее демонстрировать и при каждом удобном случае старается шапку забыть.

– Не волнуйся, прослежу, – заверила ее Елена и вышла в прихожую.

Ребята уже почти собрались, Аленка стояла в простеньком дешевом пальтишке и, как и предвидела ее мать, без шапки, а Сережка натягивал старую невзрачную куртку, в которой обычно играл в футбол, хотя прямо перед его глазами висела отличная новая куртка, очень красивая, привезенная из Канады.

– Алена, надень шапку, холодно, – строго сказала Елена, пряча улыбку.

Девочка нехотя натянула синюю вязаную шапку с голубым помпоном. «Как можно так одевать ребенка? – подумала Смелянская. – Пальто желто-черное, шапочка синяя, цвета вообще не сочетаются. Все-таки Танюшка – художница, должен быть вкус. Ну да, вкуса-то у нее навалом, а вот возможностей совсем нет, что в магазинах продают – то и покупает. И никогда не пожалуется, не попросит помочь, а когда я сама предлагаю – отказывается. Вот ведь характер! Слава богу, мы своего сына можем одевать в хорошие вещи».

– Сережа, оденься прилично, – недовольно заметила она. – Ты же с девочкой идешь, а не мячик гонять. Надень канадскую куртку.

– Да ладно, мам...

Сын бросил на подружку невольный взгляд, и Елена поняла, о чем он думает. Аленка так плохо одета... Впрочем, и Танюшка, и ее муж тоже ходят черт знает в чем. Покупают то, что есть в магазинах, потому что на то, чего в магазинах нет, их зарплаты не хватает, а даже если бы и хватало – связей нужных нет. Похоже, Сережа и впрямь влюблен, раз думает о том, чтобы девочка не стеснялась своего нищенского вида. Ну ладно, благородство в парнишке – совсем неплохо. Елена протянула сыну зеленую трехрублевую купюру.

– Держи. Угости Аленку в буфете, купи сок, пирожные, что там еще есть...

Она открыла дверь, и в этот момент разъехались двери лифта и появился Михаил Филиппович. Лицо строгое, озабоченное. Дети тут же нырнули в кабину, а Елена занялась гостем.

– Мы вас заждались, боялись, что вы уже не придете, – заворковала Смелянская. – Наверное, важное совещание?

Михаил Филиппович был единственным из гостей, к кому и она, и ее муж обращались на «вы». Еще пятнадцать лет назад этот человек был начальником Владимира, и с тех пор, поднимаясь по служебной лестнице, он неизменно подтаскивал Смелянского чуть повыше, помогал встать на следующую ступеньку. Теперь он занимал высокую должность в Министерстве торговли, а своего доверенного подчиненного довел до контрольно-ревизионного управления в Мосгорисполкоме.

Прошло еще полчаса, и Елена с удовлетворением отметила, что решение она приняла правильное. Как только из-за стола исчезли подростки, обстановка разительно переменилась. Задымились сигареты, голоса стали возбужденными, постоянно звучали фамилии «Андропов» и «Черненко». Кто из них станет преемником, если подозрения подтвердятся и окажется, что Брежнев умер? Шансы у обоих примерно равные, а вот последствия избрания могут оказаться диаметрально противоположными. Или не могут? Андропова несколько месяцев назад убрали из КГБ и сделали секретарем ЦК, это что означало? Что его хотят оторвать от всесильного Комитета, чтобы он перестал воевать со Щелоковым, министром внутренних дел? Чтобы прекратил расследование преступлений бриллиантовой мафии, в которой активничает дочка Брежнева? Вместо Андропова Комитет возглавил некто Федорчук, слабый и безынициативный, послушный и туповатый, с ним справиться будет несложно, пока Щелоков в силе. Так все

и думали, но теперь... А что, если Андропов встанет во главе государства? Какую политику он будет проводить? А если Черненко?

– Как думаете, усидит Щелоков? Или его спихнут?

– Теперь все отраслевое руководство начнут менять...

– Если Черненко придет, то не начнут...

– Андропов всех поменяет, у него на каждого руководителя во-от такая толстенная папка с компроматом собрана...

– А кого на место Щелокова? Кого-то из его замов?

– Шансов нет, команду будут менять целиком, никто не удержится...

Елена привычно следила за тем, чтобы на столе сохранялась хотя бы видимость порядка, не зияли пустые места, не портили общий вид блюда и салатники, на которых почти ничего не осталось, подавала горячее, а в голове метались невеселые мысли. Что теперь будет с их достатком? Не рухнут ли возможности, не оборвутся ли связи, с помощью которых они имели все то, что было недоступно рядовым гражданам? Не прижмут ли ее мужа за злоупотребления, а ее саму – за хищения? Все было отлажено, все бесперебойно функционировало много лет, кругом стояли доверенные и проверенные люди... Брежнев и Щелоков так долго находились у власти, что, казалось, так будет вечно. Генеральный секретарь и министр внутренних дел – не просто друзья молодости, они – семья, и зять Брежнева Юрий Чурбанов, муж бриллиантовой королевы Галины Брежневой, получил непонятно за какие заслуги звание генерал-полковника внутренней службы и должность первого заместителя министра МВД. За каких-нибудь десять лет, благодаря удачной женитьбе, пролетел путь от полковника до генерал-полковника, это же надо! И ведь не стесняется, ничего не боится, потому что знает: защита крепка и непробиваема. У власти все было схвачено, все дырочки плотно закупорены. Никто почему-то не думал о переменах. Если придет Черненко, то не так страшно, а вот если Андропов... Ох, что же теперь будет? Усидит ли на своем месте муж, если начнут менять исполкомовские кадры? И сможет ли Михаил Филиппович по-прежнему поддерживать его и помогать?

* * *

– Вот так, Володя, – сурово припечатал Михаил Филиппович. – Но я тебе ничего не говорил.

– Конечно, конечно, – с готовностью закивал Смелянский. – Спасибо, что предупредили. Я вас не подведу.

– Надеюсь.

Комната у сына небольшая, но Елена, как всегда, оказалась права: разговаривать здесь удобно. Михаил Филиппович Прасолов развалился, откинувшись на спинку дивана-раскладушки, а Владимир Александрович пристроился на стуле за письменным столом, за которым Сережка делает уроки. Сидят лицом к лицу, беседуют тихонечко, никто им не мешает.

Михаил Филиппович похлопал себя по карману, вытащил пачку сигарет и тут же сунул обратно.

– Курите-курите, – угодливо захопотал Смелянский.

– Нехорошо, здесь ребенок спит.

– Ничего страшного, проветрим. Я сейчас пепельницу...

– Да не надо, я в форточку. Или окно откроем, не так уж и холодно.

Прасолов встал около окна, распахнул его, прикурил и принялся оглядывать стены, увешанные плакатами и грамотами. Взгляд его задержался на красиво оформленной «Благодарности», вынесенной Сергею Смелянскому за участие в Первом Всесоюзном Дне бегуна.

– Тоже бежал? – с усмешкой заметил Михаил Филиппович, кивнув на вставленную в рамочку бумагу.

– А как же, – с гордостью подтвердил Владимир Александрович. – Его от школы направили как лучшего общественника. Благодарность лишней не будет, ему в январе четырнадцать исполнится, весной в комсомол вступать.

– Да брось, туда всех принимают, главное, чтобы приводов в милицию не было. Мог бы и не бежать ради этого.

– Нет уж, пусть в райкоме сразу увидят, что парень перспективный, с грамотами и благодарностями, возьмут на заметку. Чтобы к окончанию школы он уже был на виду. В МГИМО без этого не поступить, сами знаете.

– Ну, тоже верно, конечно, – вяло согласился Прасолов. – Ты молодец, на перспективу планируешь, заранее обдумываешь.

– Стараемся...

– Я, конечно, помогу, если к тому времени возможности останутся, но нужно, чтобы парень твой сам глупостей не наделал. Ты меня понимаешь?

– Само собой, Михаил Филиппович, – горячо откликнулся Смелянский. – Сережа умный мальчик, он ничего такого никогда...

– Все они умные до поры до времени, пока гормоны в голову не стукнут, – скривился Прасолов. – Твой, как я погляжу, уже за девочками ухлестывает. Смотри, Володька, заделает бэби кому-нибудь неподходящему – пролетит мимо института, загремит в армию, а там и в Афган.

– Да что вы! – заулыбался Владимир. – Это же Аленка, дочка Тани и Олега, ей всего двенадцать. Нет-нет, их дружба, как говорится, не из той оперы. Мальчик с девочкой дружил, мальчик дружбой дорожил...

Он внезапно согнал с лица улыбку.

– А насчет Афганистана – это вы серьезно? Даже при самом неблагоприятном раскладе Сереже до армии еще четыре года. Думаете, за четыре года оно не закончится?

– Этого никто не знает, Володя. Загадывать тут бессмысленно.

– Но власть же переменится...

– А мир вокруг нашей страны останется прежним, – жестко проговорил Михаил Филиппович. – Знаешь, какое самое главное правило выживания? Не надеяться на лучшее. И не рассчитывать, что обойдется.

Он внимательно посмотрел прямо в глаза Смелянскому и добавил:

– Во всех смыслах. И еще раз предупреждаю: то, что я тебе сегодня сказал, – только для твоих ушей. Даже Елене не говори. Но имей в виду и прими меры.

* * *

Татьяне Муляр становилось все более неудобно. Конечно, послушать разговоры о последствиях смены власти было интересно, но она то и дело ловила взгляды, бросаемые украдкой на нее и Олега. Они хоть и давние привычные участники ежегодного сборища, а все равно чужие. Не из этого круга. Татьяна, наделенная от природы интересом к тому, какими разными бывают люди, всегда с удовольствием приходила в гости к Смелянским. Слушала, смотрела, наблюдала, обдумывала. Обычно они со Смелянскими собирались узким кругом на две семьи с детьми, а годовщина свадьбы – единственное мероприятие, на котором у Татьяны была возможность лицезреть торгово-спекулянтский бомонд в расширенном, так сказать, составе. Разные характеры, разные типажи, разный темперамент – и все это отражалось и на внешности, и на манере двигаться и говорить. Создавая рисованные образы персонажей детских книг, Татьяна Муляр активно использовала собственные впечатления, полученные во время общения с людьми. Она не обольщалась, прекрасно понимая, что они с мужем смотрятся белыми воронами среди этих сытых, прекрасно одетых людей, обладающих должностями, дачами,

машинами и импортной техникой, однако знала, что пятнадцать лет назад на свадьбе Ленки и Володи все они были примерно равны, Володькины коллеги еще не успели заматереть и наворовать, все веселились, танцевали, пели под гитару, хохотали до упаду, отчаянно флиртовали, а Володькин тогдашний начальник Михаил Филиппович оказывал Тане настолько недвусмысленные знаки внимания, что даже его драгоценная супруга не смогла не заметить. Олег тоже был на той свадьбе, они были еще не женаты, но уже все решили, поэтому пришли как почти официальная пара.

Сегодня все получилось иначе. Татьяна чувствовала, что они с Олегом – чужаки в компании людей, под которыми закачалась палуба. Им-то, Мулярам, опасаться нечего, кто бы ни пришел на смену дряхлому, выжившему из ума генсеку, детские издательства и научные институты будут продолжать работать как ни в чем не бывало. В минуты политических переломов те, кому есть, что терять, начинают люто ненавидеть тех, кому терять нечего.

– Пора бы нам уходить, – сказала она мужу. – Дождемся Аленку – и домой, ладно?

– Я бы еще послушал, – ответил Олег. – Крайне любопытные суждения высказываются.

Валентин наверняка завтра же начнет писать аналитическую статью для нового выпуска, и то, что мы здесь слышим, может оказаться полезным для него.

Он взглянул на часы и приподнял брови.

– А где это наши отпрыски загулялись? Уже почти десять.

– В кино, наверное, сидят. Скоро придут.

– И будут возвращаться одни в такую темень? Зря ты отпустила Аленку, не надо было. Хотя... – Он задумчиво пожевал губами. – Если симфоническая музыка звучала весь день именно по той причине, которую все подозревают, то опасаться совершенно нечего. Наверняка милиция и доблестные чекисты тайком патрулируют весь город, мышь не проскочит. А здесь все-таки центр столицы, американское посольство рядом.

Голос Олега звучал спокойно и уверенно, однако Татьяна по одной ей известным признакам поняла, что муж все-таки волнуется. Девочке всего двенадцать лет... Но она ведь не одна, с ней Сережа.

– Я попробую узнать, когда заканчивается сеанс, и мы можем пойти их встретить, – предложила она.

– Мысль! – обрадовался Олег. – Давай.

Татьяна выбралась из-за стола, вышла в просторный холл, где возле тумбочки с телефоном стояло кресло, и принялась звонить в справочную, чтобы узнать номера, по которым можно позвонить в те два кинотеатра, которые находились ближе всего к дому Смелянских. Через четверть часа она озадаченно смотрела на бумажку, куда записывала телефоны, названия фильмов и время начала и окончания сеансов. В детском кинотеатре последний сеанс начался в 20.00 и закончился в 20.50. В другом же последний сеанс начался в 21.30, две серии, окончание в 23.25. Разве могли строгие билетерши пустить подростков на последний сеанс, который заканчивается так поздно? Если бы дети пришли со взрослыми – другое дело, но одних... Да и фильм с пометкой «детям до 16 лет вход запрещен». Нет, точно не пустили бы. Значит, ребята пошли на сборник мультфильмов, который закончился без десяти девять вечера. И где же они?

Сделав глубокий вдох, Татьяна медленно выдохнула, чтобы успокоить внезапно вспыхнувшую тревогу, и подошла к Елене, которая что-то увлеченно обсуждала с Жанной, хорошенькой артисткой, служившей в одном из самых знаменитых театров.

– Ленуся, как ты думаешь, в какое кино дети пошли? В детском сеанс давно закончился, а их все нет.

– Значит, что-нибудь взрослое смотрят, – пожалала плечами Смелянская.

– Я звонила в кинотеатр, там идет фильм «детям до шестнадцати» и заканчивается в половине двенадцатого. Они не могли пойти на такой сеанс, они же маленькие. А еще какой-нибудь кинотеатр есть поблизости?

– Есть, но далековато, несколько остановок на троллейбусе. Тань, не дергайся, тебе все кажется, что они малыши совсем, а они уже достаточно большие, чтобы уехать хоть на другой конец Москвы. Наш Сережка вообще очень самостоятельный, ты же знаешь, я его в школу отвела один-единственный раз, первого сентября в первый класс, – и все. С тех пор один всюду ездит: и в школу, и в кружки свои. Он серьезный ответственный мальчик. Ой, да что я тебе рассказываю! Будто ты сама не знаешь, он же рос у тебя на глазах.

Татьяна выяснила все-таки название кинотеатра, куда нужно ехать на троллейбусе, снова позвонила в справочную, узнала номер телефона и через несколько минут, совершенно успокоенная, вернулась к мужу, рядом с которым уже восседал огромный Михаил Филиппович – груда жира, увенчанная головой с ежиком темных с проседью волос.

– Представляешь, они потащились на троллейбусе смотреть американский двухсерийный фильм про индейцев, – сказала она, обращаясь к Олегу. – Сеанс должен закончиться в двадцать два сорок.

– Это очень поздно, – заволновался муж. – Да им еще назад добираться, а транспорт вечером ходит редко. Ты уверена, что они там?

– Ну а где им еще быть? – улыбнулась Татьяна. – В двух ближайших кинотеатрах ничего подходящего нет. В детском сеанс вообще давно закончился, погода для гуляния неподходящая, они бы уже были дома.

– Сидят на лавочке и целуются, – цинично пошутил Михаил Филиппович. – Ромео и Джульетту пока никто не отменил.

– Ой, типун вам на язык! – со смехом отмахнулась Татьяна. – Олег, одевайся, поехали встречать ребят.

– Нет-нет, – неожиданно вмешался Прасолов, – давайте, Танечка, я вас отвезу, у меня же машина внизу. Олег может остаться здесь, а мы с вами съездим за детьми.

– А почему...

Она собралась было спросить, почему «мы с вами съездим», а Олег останется, но сообразила, что Михаил Филиппович, конечно же, имеет в виду служебную машину с водителем. То есть пассажирских мест всего четыре, дети и двое взрослых – это максимум, пятый человек не уместится. На самом деле практика показывала, что даже в «Запорожец» можно при желании утолкать больше пяти человек, но, наверное, для служебных машин правила более строгие.

– Я поеду? – Татьяна вопросительно посмотрела на Олега.

– Конечно. Спасибо вам, Михаил Филиппович.

– Да ну что ты, не за что. Дети – это святое, я же понимаю, у самого двое, правда, уже выросли.

Елена Андреевна отнеслась к их затее с явным неодобрением, но все равно угодливо улыбалась Прасолову, а Татьяне потихоньку шепнула:

– Не вздумай воспользоваться моментом. Нам нельзя портить отношения с его семьей, мы все от него зависим. Ты поняла?

Татьяна чуть не расхохоталась. Ну конечно, ее подруга Ленка всегда в самую первую очередь думает о выгоде, вот и решила, что Тане надоело наконец нищенское существование. Поди плохо иметь такого любовника, как начальник главка в Минторге, будущий заместитель министра!

Она надела пальто, накинула сверху тонкую шаль, красиво обмотав ее вокруг плеч и шеи, бросила взгляд в зеркало: нет, адюльтер – это не для нее, но, положив руку на сердце, выглядит она прелестно, даже искусственному глазу художника придаться не к чему.

* * *

В салоне черной «Волги» пахло новой кожей и мужским одеколоном. Тучный Прасолов занимал на заднем сиденье столько места, что Татьяна невольно подумала: «Если даже сейчас мне приходится сидеть почти вплотную к нему, то как же назад-то поедем, если рядом со мной будет сидеть кто-то из детей?»

– Танечка, через месяц у меня командировка в Японию. Я бы хотел что-нибудь привезти для тебя или для твоей дочки.

«Началось, – мелькнуло у нее в голове. – Соблазнительно попросить. Очень соблазнительно. Аленка крупная, рослая не по годам, полненькая, в магазинах детской одежды на нее днем с огнем ничего не найдешь, и ножка большая, детскую обувь такого размера почему-то не выпускают, а взрослые модели... Ну куда двенадцатилетней девочке носить то, в чем ходят взрослые тетки? Мрачно, скучно, да и не по возрасту. И дорого. Производство детской одежды государство хоть как-то дотирует, поэтому цены доступные, а одевать девочку в магазинах для взрослых – мы с Олегом в два счета по миру пойдем. Дети быстро растут, новую одежду и обувь приходится покупать каждые полгода-год. Через месяц... Середина декабря. Может, попросить зимнюю одежду какую-нибудь? Чтобы была легкой, теплой и красивой. Например, дубленочку. Пусть бы Аленка порадовалась! А расплачиваться как? Деньгами? Мы не потянем. Если только одолжить... Или не деньгами?»

– Я очень ценю ваше внимание, Михаил Филиппович, и очень благодарна за предложение, – осторожно произнесла она.

– И так? Что бы ты хотела? Заказывай, не стесняйся.

– Можно, я подумаю? Мне что-то беспокойно за детей, все мысли только об этом. Не могу с ходу сообразить.

Татьяне показалось, что она вывернулась ловко и деликатно.

– Конечно, подумай. Время есть, еще целый месяц. Как надумаешь – позвони мне. Телефон мой запиши... Или нет, лучше дай мне свой номер, я сам позвоню через недельку-другую, а то знаю я тебя, скромницу, – ухмыльнулся Прасолов. – Постесняешься беспокоить большого начальника. Верно?

– Верно.

Прасолов нажал кнопку, включил лампочку на потолке, достал из внутреннего кармана записную книжку и ручку. Татьяна продиктовала номер. Разговор о телефонном звонке снова вернул ее мысли к Аленке и Сереже. Вот же паршивцы! Неужели так трудно было позвонить Смелянским и предупредить, что идут на длинный двухсерийный фильм? А еще лучше – спросить разрешения у родителей. Когда подростков отпускают в кино в семь вечера, подразумевается, что в девять – начале десятого они уже будут дома.

– Устрою Аленке выволочку за то, что не позвонила, не предупредила, – сердито сказала она.

– Может, двушки не нашлось. Или автоматы не работают. Сама знаешь, как у нас с автоматами: то трубка сорвана, то двушки ест и не соединяет.

Татьяна усмехнулась. Сытый голодного не понимает, вот уж точно!

– Михаил Филиппович, вы, наверное, уже много лет не звонили из уличных автоматов? Давно можно пользоваться не только двушками, но и двумя монетками по копейке. А если припрет, то и гривенником, он же по размеру ровно такой, как двушка.

– Ну... права, права, – добродушно прогудел Прасолов. – Кому мне звонить из автоматов? Я все вопросы решаю из кабинета да из дома. Но то, что много неработающих автоматов, которые никто не чинит, знаю достоверно, многие жалуются. Волнуешься?

Он внезапно накрыл ее руку своей большой теплой ладонью. Татьяна даже опешила от неожиданности. Как поступить, чтобы не обидеть? Человек вызвался помочь, ничего плохого пока не сделал. Может, это просто жест утешения? Или не просто?

– Не волнуюсь. Скорее, сержусь.

Слава богу, вот и кинотеатр! Машина остановилась, можно выходить. И высвободить руку без всякого потайного смысла.

Двери, ведущие из зрительного зала на улицу, выходили на две стороны, как почти во всех больших кинотеатрах. До окончания сеанса оставалось еще минут пять-семь.

– Давайте походим, прогуляемся, ноги разомнем, – предложил Михаил Филиппович, властно подхватив Татьяну под руку.

Ее локоть оказался плотно прижат к его жирному боку. И не было в этом ничего интимного, а тем более эротичного, только уверенность со стороны мужчины и вялая покорность женщины. «Ничего, – думала она, – всего несколько минут, можно потерпеть. Ну, Аленка, ты у меня дождешься! Сегодня ничего говорить не буду, а завтра выдам ей по первое число. И с Ленкой обязательно поговорю, пусть проведет с сыном разъяснительную работу».

– Давайте встанем у разных выходов, – предложила Татьяна. – Чтобы нам их точно не пропустить.

Прасолов вынужден был согласиться и нехотя отпустил ее руку. Он остался там же, где стоял, а Татьяна обогнула здание и встала у противоположной двери. Еще пара минут – и зрители начали потоком выходить из зала. Уличное освещение не очень хорошее, но своего ребенка любая мать распознает даже в кромешной темноте. Лишь бы Михаил Филиппович не оплошал. Но ребята его и сами увидят, если пойдут через другую дверь: мимо такой глыбы не проскочишь, массивная рослая фигура издали бросается в глаза, а Аленка и Сережа знают Прасолова практически с рождения.

Еще через несколько минут стало понятно: они все-таки разминулись. Татьяна была уверена, что не пропустила бы детей. Значит, пропустил Михаил Филиппович.

– Поедем к остановке троллейбуса, – решительно произнес он. – Они должны быть там.

Но на остановке стояла только пожилая дама. Неужели троллейбус только что ушел, и дети уехали на нем, пока водитель служебной машины делал крюк и объезжал улицу с одно-сторонним движением?

– Скажите, пожалуйста, вы давно ждете? – спросила ее Татьяна.

– Минут двадцать уже, – ответила дама. – Вечером он совсем редко ходит.

Значит, на троллейбуса дети не уехали... Так где же они?

– Наверняка отправились пешком, – заявил Прасолов. – Идут и фильм обсуждают, мелкие негодники, о времени совсем не думают и о родителях, которые волнуются. Поехали, будем по пути смотреть, может, маршрут совпадет, перехватим их. Сам лично по мягкому месту надаю!

– Погодите. – Татьяна принялась оглядываться в поисках телефона-автомата. – Надо позвонить Смелянским. А вдруг дети уже вернулись, пока мы тут их ищем? Я ведь просто предположила, что они могли пойти на этот фильм. Ну, мне так показалось... Может, они действительно сходили на мультики, а потом загулялись, заболтались...

Будка автомата нашлась почти сразу, но трубка, как и пророчествовал Михаил Филиппович, оказалась сорвана.

– Садись в машину, – приказал Прасолов. – Поедем. Как увидим телефон – остановимся.

Телефон они заметили возле ближайшего перекрестка, Татьяна пулей вылетела из автомобиля, сжимая в ладони приготовленную заранее монетку.

Нет, домой Сережа и Аленка пока не вернулись.

Не вернулись они и через час. И через полтора. И через два.

* * *

– Еще раз напоминаю всем: подразделения ГУВД переведены на усиленный режим несения службы, никаких выходных и отгулов не будет до особого распоряжения. Оперсостав работает по своему плану, остальные сотрудники – с девяти ноль-ноль до двадцати одного ноль-ноль.

«Мог бы и не напоминать, – подумал Виктор Гордеев. – «Усиление» объявили еще в четверг, на следующий день после смерти Брежнева, а сегодня уже суббота. Похоже, начальник всех нас считает слабоумными».

Оперативное совещание закончилось, народ выходил из кабинета с угрюмыми лицами.

– Витя, задержись, – прозвучало в спину, и Виктор притормозил у самой двери.

Вернулся, подошел к столу начальника отдела розыска, но садиться не стал, надеялся, что все обойдется каким-нибудь несущественным коротким замечанием, мол, тут не доделал или там не доглядел. Ну, обычное дело, в милицейской службе без этого не бывает. Конечно, если взбудоражить остатки оптимизма, то можно предположить, что речь пойдет о его переводе во второй отдел, занимающийся раскрытием тяжких преступлений против личности, но где ж его взять, оптимизм этот? После объявленных вчера в программе «Время» новостей об избрании Андропова генеральным секретарем ЦК КПСС можно ждать только одного: тотального наступления КГБ на все милицейские вотчины, и ничего хорошего в этом Виктор не видел. А ведь перевод в «убойный» отдел на должность заместителя начальника должен был вот-вот состояться...

Начальник смотрел на него задумчиво и немного отстраненно, словно забыл, зачем вообще попросил майора Гордеева остаться.

– Слушаю вас, товарищ полковник, – осторожно произнес Виктор.

– Сядь, Витя. Тут вот какое дело...

«Ну точно, перевод либо затормозился, либо вообще отменяется, – уныло подумал Гордеев. – Слова подыскивает, чтобы я не сильно расстраивался. Впрочем, он так сильно меня не любит, что вряд ли станет беспокоиться о моих чувствах».

– В среду вечером в Краснопресненском районе пропали двое подростков, мальчику почти четырнадцать, девочке двенадцать. Разыскное дело завели в РУВД, все мероприятия проводят по стандартному плану, но детей пока не нашли. У мальчика родители... Ну, в общем, там связи такие, что звонки дошли до самого верха, а оттуда спустили указание взять на контроль. Пока на уровне города, так что заниматься придется нам. Вернее, тебе. Все как обычно, будешь оказывать методическую помощь. Но, Витя...

Начальник снова сделал паузу и почему-то посмотрел не на Гордеева, а в угол кабинета.

Пауза явно затягивалась.

– Да, товарищ полковник? – полувопросительно проговорил Виктор.

– Руководство ясно дало понять, что от результатов работы по этому делу зависит твой перевод в «убойный». Даже если начнутся кадровые перестановки и будут менять всех, кого можно, тебя все равно назначат на должность замначальника второго отдела, если будет поддержка оттуда, – начальник ткнул пальцем в направлении потолка, – откуда звонили. А поддержку обещали только в том случае, если будет результат, быстрый и положительный.

– Про быстрый результат я понял, – усмехнулся майор Гордеев. – А насчет положительного – не все понятно. Если дети просто сбежали и их можно найти и вернуть домой – одна песня, а если их нет в живых? То есть если с ними случилась беда, то меня не назначат, так?

– Именно так. Ты мне скажешь, что в этом нет логики и что ты не виноват?

– Конечно, скажу.

– И будешь прав. Но наверху, – он снова ткнул пальцем вверх, – логика другая. Ты уж сколько лет служишь в милиции, мог бы и усвоить, что у исполнителей и руководителей логика принципиально разная. Давай поезжай в Краснопресненский к разыскникам, знакомься с материалами и сделай все, что можешь, и все, что не можешь.

Сказать, что майор Виктор Гордеев был зол, когда выходил из кабинета начальника отдела розыска МУРа, – это ничего не сказать. Он был в ярости. Его карьера попала в зависимость от двух малолетних побегушников! Или от подонков, которые что-то сделали с подростками! Получается, он с семнадцати лет, с момента поступления в Высшую школу милиции, носит погоны, должен вот-вот получить звание подполковника, честно работает, его квалификация и опыт делают возможным переход на более высокую и ответственную должность – и что в итоге? Его дальнейшая служба теперь зависит от того, совершил неизвестный злодей преступление или нет? Бред какой-то.

К ярости добавилось и тревожное недоумение: уж больно мягко стлал сегодня начальник отдела. Значит, спать будет жестко. У майора Гордеева были все основания ожидать, что при таком разговоре, который только что состоялся, голос начальника будет полон ехидства, злорадства, язвительности – да чего угодно, только не сочувствия. Похоже, шеф тоже растерян и напуган, как и его подчиненные. Ничего, пройдет немного времени, он провентилирует обстановку, оценит перспективы, успокоится и снова вспомнит, как не любит Виктора, который хочет перейти в другой отдел с повышением в должности.

Он созвонился с Краснопресненским РУВД и отправился на встречу. По дороге успокаивал себя тем, что «осуществление методической помощи» очень легко превратить в «ненавязчивое руководство», а это даст возможность попрактиковаться в роли начальника. Ведь если перевод в «убойный» состоится, ему придется руководить подчиненными, так почему бы не воспользоваться возможностью лишней раз поучиться? Довод показался вполне убедительным, и к моменту встречи с сотрудниками группы розыска майор Гордеев вновь обрел спокойствие и благодущие.

Пропавшая девочка, Алла Муляр, 1970 года рождения, была дочерью ученого-химика и сотрудницы издательства «Детская литература». Мальчик Сергей Смелянский, 1969 года рождения, – сын руководителя Главного контрольно-ревизионного управления в Мосгорисполкоме, а мама у него – директор крупного универмага. Видимо, звонки «сверху» организовали именно Смелянские. Что известно? Смелянские и супруги Муляр – давние друзья, дети у них родились с разницей в год с чем-то и знают друг друга с младенчества. 10 ноября, в среду, у Смелянских были гости, в том числе и Татьяна и Олег Муляр, детей отправили погулять и сходить в кино, чтобы не сидели в прокуренном помещении и не слушали разговоры взрослых. Подростки покинули квартиру Смелянских приблизительно в 19.20–19.30. С того момента больше никаких сведений об их местонахождении родители не имеют. Дети учатся в разных школах, опрошены учителя и одноклассники, а также друзья и знакомые по месту проживания. Опрошены члены кружков и секций, в которых занимались Алла и Сергей. Спецаппарат в среде несовершеннолетних ориентирован. Источники в среде лиц без определенного места жительства задействованы... Линейные отделы милиции на транспорте ориентированы... Фотографии с описанием внешности и одежды разосланы... Дачный участок Смелянских и строения на нем осмотрены... Соседи по даче опрошены...

Одним словом, работа проделана стандартная, большая и тщательная. А если учесть, что подростки пропали в среду вечером, то объем проделанного за два дня может вызывать только восхищение.

– Стало быть, мама у мальчика – директор универмага, а папаша – в КРУ, – медленно проговорил Гордеев. – В этом направлении думали?

– А что думать-то? – удивился старший лейтенант Коля Разин, светловолосый и быстрый в движениях оперативник из группы розыска. – Подростки же не могут быть причастными к хищениям, да еще так серьезно, чтобы их за это убили.

– Они могли стать жертвами похищения. Вернее, основная жертва – сын Смелянских, а девочка просто оказалась не в то время не в том месте.

Разин вытаращил глаза на Гордеева.

– Да ладно! У нас в стране детей не похищают ради выкупа, это только там, на Западе, бывает. В Уголовном кодексе даже статьи такой нет, потому что ее прикладывать некуда.

С этим было трудно спорить. Статьи действительно не было. Но ведь все когда-то случается в первый раз. Тем более что и раз-то выходит не первым, ведь было в Москве аналогичное дело лет пять-шесть назад, Гордеев хорошо его помнит.

– Ты был у Смелянских дома?

– Конечно.

– И как там у них?

– Ну, – Разин усмехнулся, – сам можешь догадаться. Полная чаша или как там еще говорят про такие хаты. Но мы не ОБХСС, мы в это не лезем, мы – группа розыска, наше дело – пропавших искать.

– Не лезете, значит, – негромко повторил Виктор. – А я бы посоветовал. Ладно, это я сам сделаю, все равно и Мосгорисполком, и универмаг – не ваша земля, тут придется на уровне города действовать.

Гордеев снова пробежал глазами длинные списки тех, кого успели опросить за два минувших дня. Нет, пожалуй, он погорячился, когда впопыхах восхитился объемом проделанной работы. Одноклассников пропавшего мальчика – восемнадцать, одноклассников девочки – двенадцать, а ведь в классе обычно бывает в среднем тридцать школьников. Не всех, стало быть, нашли. Если бы родители вовремя обратились в милицию, то был бы хороший шанс застать всех одноклассников в школе во время уроков. Однако Смелянские и Муляры рассудили иначе, пытались сами найти детей, объезжали на машине район, обзванивали тех, кого знали, с утра надеялись отыскать Аллу и Сергея в их школах и только около 11 утра обратились в милицию, к тому же сделали это не сами, а через третьи руки: позвонили какому-то знакомому из МВД, а тот уже спустил команду по инстанциям вниз. На прохождение команды ушло время, и в итоге ребята из группы розыска оказались в школе только около половины второго, когда пятый урок уже закончился. Но все равно сделано очень много, язык не повернется упрекнуть районных оперов в лени и бездействии. Никто из опрошенных ничего полезного не рассказал. Ни Сергей, ни Алла, которую все называли Аленой, не упоминали о желании сбежать, и никто из знакомых Сережи не сталкивался с ним на улице вечером в среду. Ничто в поведении детей не указывало на подготовку к отъезду, да и вне дома они оказались не по собственной инициативе, а исключительно потому, что мать Сергея самолично выпроводила их погулять и сходить в кино. Виктор еще раз пролистал записи, которые предоставили оперативники: кассир и контролер детского кинотеатра опрошены, фотографии подростков им предъявлены, но ни та, ни другая их не вспомнили, что, в общем-то, вполне понятно. Кассир смотрит на деньги и на схему рассадки, контролер – на билеты, а не на лица. В ближнем к дому Смелянских кинотеатре шел фильм для взрослых, и контролер клялась и божилась, что никакие подростки не пытались пройти на последний сеанс, иначе бы она их точно запомнила, потому что ни за что не пропустила бы. В том кинотеатре, где мать Аллы Муляр пыталась найти детей, картина аналогичная: зрителей много, а контролер один; фильм американский, приключенческий, без возрастных ограничений, подростки на таких сеансах – дело обычное, и с родителями приходят, и одни, нет никаких оснований обращать на них особое внимание.

– Собачников искали? – спросил Гордеев. – В записях что-то не нахожу.

– Кое-что успели, но пока мало, – признался старший лейтенант. – Все силы бросили на отработку связей. Опросили только тех, кто выгуливает собак в непосредственной близости от дома Смелянских. Ну, в общем, кого нашли за один вечер...

– Надо весь микрорайон отработать.

– Да знаю... Сделаем, конечно, но рук не хватает. Слушай, Виктор, а что у вас на Петровке говорят?

– О чем?

– Ну... Об этом всем. Будет новая линия партии? Или все останется, как было?

– Тебя интересует именно линия партии? Или кадровая политика? – с усмешкой спросил Гордеев. – Сами ничего не знаем.

– Ладно, не хочешь говорить – не говори, – с обидой сказал Разин. – Давай руководи, раздавай указания, коль уж тебя сверху прислали.

– А чего тебе указывать, если ты и сам все знаешь? Додельвайте то, что не успели, школу там, собачников в радиусе километра от дома Смелянских. Кто-то же должен был их видеть, не могли два подростка в воздухе растаять. Продуктовые магазины до восьми вечера открыты, надо в них поспрашивать, может, ребята заходили купить что-нибудь, конфеты, например, шоколадку, газировку, сладкие булочки. Киоски «Мороженое» не забудьте. Надо попытаться хотя бы определить направление, в котором они двигались. И вот еще что, Коля: не хочу действовать за вашей спиной, поэтому предупреждаю, что собираюсь сам побеседовать с родителями подростков.

Разин вскинул на него недоверчивый и вмиг похолодевший взгляд.

– Зачем? Будешь проверять, хорошо ли мы их опросили? Правильные ли вопросы задавали?

– Хочу понять, почему они так долго не заявляли о пропаже детей. Это же ненормально, согласись: не бежать в милицию в тот же вечер, ну в крайнем случае ночью, если они какое-то время еще ждали и надеялись, а тянуть до утра. Ты можешь дать голову на отсечение, что родители не причастны?

– К чему не причастны? К исчезновению собственных детей? Ты сам себя слышишь вообще? – возмутился Николай. – Да у них полтора десятка человек в гостях было в тот вечер, и никто, ни Смелянские, ни Муляры... Вообще-то нет, мать девочки уходила, вернее, уезжала с одним из гостей, хотела ребят отловить у дальнего кинотеатра... Но все равно ты ерунду говоришь! Тем более мать, эта Татьяна Муляр, не одна была. А тот гость, который с ней ездил, на сообщника в таком деле никак не тянет.

– И что же это за выдающийся гость такой? – прищурился Гордеев.

– Начальник управления в Министерстве торговли, – торжественно объявил Разин. – И с ними в машине был еще водитель. Что, не тянет на предварительный сговор группой лиц? У вас там на Петровке все такие умные, майор Гордеев? Или для надзора за нами специально выбрали старшего опера с самыми завиральными идеями?

Это было грубо и нарушало субординацию. Виктор старше по званию и по должности, и по идее за подобное хамство старшего лейтенанта следовало сурово осечь, поставить на место и показать, кто есть кто. Разговаривать в подобном тоне со старшим опером МУРа, которому поручено осуществлять контроль за ходом розыска и оказывать методическую помощь, совершенно недопустимо. Но Виктор Гордеев давно выучил одно нехитрое правило, которое почему-то мало кто соблюдал: прежде чем что-то сделать, надо подумать о цели, только не о ближайшей, а о следующей, как бы «через шаг». Бывает очень полезно. Какова в данном случае ближайшая цель? Указать зарвавшемуся старлею на его место и заставить быть вежливым и уважительным. А что у нас «через шаг»? А через шаг у нас слаженная, тщательная и хорошо скоординированная работа по розыску пропавших подростков. А через два шага – успешное завершение розыска. Достижение ближайшей цели может поставить крест на тех задачах, кото-

рые «через шаг», а это, в свою очередь, похерит все шансы на то, что исчезнувших ребят через два шага найдут быстро. Поставленный «на место» человек, может, и станет вести себя по-другому, но любить и уважать тебя точно не начнет, обида – штука коварная и противная, она разъедает все вокруг и портит не только личные отношения, но и общую служебную деятельность, сказываясь на результатах работы всего коллектива. Ведь это же так просто! Но люди, увы, редко принимают это во внимание.

– Насчет завиральных идей – тут ты прав, Коля, – миролюбиво улыбнулся майор Гордеев. – Есть у меня такой грех, не ты один заметил. Но я тебе вот что скажу... Впрочем, ты, наверное, и сам уже понял: дело на высоком контроле, но неофициально. Ведь понял?

– Ну, – кивнул Разин. – Иначе тебя бы не прислали. Я уже четыре года в розыске, и ни разу не было, чтобы по таким делам людей с Петровки подключали. Как-то сами справлялись.

– Вот именно. Я уверен, что этих двоих малолеток вы отлично найдете и без моей помощи, я вам тут как пятое колесо в телеге, поэтому я хочу вот что предложить: вы, ребята, спокойно работаете по своему плану, делаете все по стандартной схеме, я к вам лезть не буду. А все, что сверх этого, – мое. Договоримся?

Николай задумчиво почесал подбородок, вытянув шею вверх, и от этого стал похож почему-то на суслика, вставшего на задние лапки.

– То есть контролировать не будешь, что ли? – уточнил он.

– Не буду. Буду приходить каждый день, спрашивать, что сделано, вы ответите, я кивну и уйду.

– А сам что будешь делать? Писать в отчетах, что осуществил контроль и помощь? Потом премию получишь за эффективное руководство оперсоставом на земле?

В голосе старшего лейтенанта Разина зазвучало неприкрытое презрение.

– Сам буду придумывать завиральные идеи и по ним работать, чтобы было, чем отчитаться.

«И когда это я научился так врать? – насмешливо подумал Виктор. – Из меня выйдет неплохой начальник».

– Дергать нас всех будут каждый день, приготовьтесь, – продолжил он. – И давай по-честному, Коля: чем лучше вы работаете, тем меньше нареканий в мой адрес, поэтому не забывайте про бумажки, ладно? Никто ни вас, ни меня слушать не собирается, у больших начальников нет на это времени, им нужно показать план мероприятий и письменный отчет об их выполнении. Чем больше бумаг, чем толще папка, тем убедительнее. Вникать никто не будет, зато спросят строго, судя по тому, что команда сверху пришла. Как считаешь, мы на таких условиях сможем договориться с вашим старшим?

Коля Разин был простым опером, и по регламенту сотрудник с Петровки должен был бы решать все вопросы с Колиным непосредственным начальником, возглавляющим подразделение, но тот находился в очередном отпуске, его обязанности исполнял старший инспектор, которого не оказалось на месте, и замначальника районного Управления внутренних дел поручил именно старшему лейтенанту Разину отчитаться перед майором Гордеевым и ввести его в курс дела.

– Думаю, да.

– Ну вот и славно. Тогда поеду-ка я к родителям наших пропавших. Очень мне интересно, почему они так долго не обращались в милицию, буду отрабатывать свои завиральные идеи.

Он переписал адреса, телефоны и имена, дружески подмигнул Коле Разину и распрощался.

* * *

Звонить и предупреждать супругов Муляр о визите Виктор не стал, уверен был, что кто-то из них, а может, и оба находятся дома, сидят возле телефона и ждут. Можно было бы, конечно, начать со Смелянских, ведь они проживали в Краснопресненском районе, то есть намного ближе к зданию РУВД, чем Татьяна и Олег Муляр, ехать к которым пришлось через пол-Москвы. Но Гордееву отчего-то казалось, что правильнее было бы начать именно с них, а к Смелянским не стоит соваться, не получив предварительно консультацию коллег из ОБХСС.

Дверь ему открыли сразу же. Похоже, женщина с осунувшимся посеревершим лицом и красными воспаленными опухшими глазами постоянно сидела в прихожей возле телефона. Гордеев подумал, что еще три дня назад она была настоящей красавицей, глаза в обрамлении густых длинных ресниц, наверное, сияли, а волосы, сейчас свисавшие непромытой паклей, спадали на плечи густой переливающейся волной. За время работы в отделе розыска пропавших он насмотрелся на то, что с людьми делают тревога и неопределенность, смешанные со страхом и надеждой. Это совсем не то же самое, что шок и нестерпимая боль от потери близкого. Другой механизм, другие переживания, изматывающие и истощающие душу изо дня в день, из месяца в месяц, пока не наступит какая-то ясность. Если родные человека, ставшего жертвой убийства, постепенно, крошечными шажочками, но неуклонно с каждым днем отодвигаются от момента страшной утраты и начинают выстраивать свою жизнь заново, то родные пропавшего живут в этом моменте постоянно, впадая то в отчаяние, то в надежду, и нет этому конца, и ничто не сглаживает, не смягчает и не может утишить их страдания.

– Что? – спросила Татьяна Муляр одними губами, едва взглянув на красное милицееское удостоверение.

– Пока ничего, – честно ответил Виктор. – Мне очень жаль, мы делаем все, что можем, но пока ничего не выяснили.

– Но она... они... живы? Они вернуться?

Голос Татьяны срывался, и Гордееву хотелось утешить ее, сказать какие-то ободряющие слова, однако он помнил и второе непреложное правило: никогда не обещать и не обнадеживать. Стать носителем доброй вести очень соблазнительно, но и очень опасно.

– Не знаю. Будет сделано все, что в наших силах, – скупо ответил он. – Мне нужно задать вам ряд вопросов.

– Конечно...

– Ваш супруг дома?

– Олег... нет, он ходит по Аленкиным подружкам, разговаривает с ними и с их родителями... и вчера ходил, и позавчера, взял на работе отгулы... и я тоже... меня отпустили, пока не... пока дети не найдутся...

Татьяна говорила прерывисто, сглатывая слезы.

Значит, Олег Муляр делает все то же самое, что уже проделали оперативники. Почему? Не доверяет их добросовестности? Или понимает, что людей в группе розыска слишком мало, и искренне пытается помочь?

Рутинка. Привычные действия. Обыденные мелочи. Это единственное, что помогает в ситуации тяжелейшего стресса сохранять хотя бы остатки рассудка. Нужно вернуть Татьяну к этой рутине, вынудить заняться чем-то обычным, знакомым.

– Давайте выпьем чайку и поговорим, – сказал Виктор. – Мне нужно, чтобы вы как можно подробнее рассказали мне все с самого начала.

– Для чего? Мы уже рассказывали. Разве этого недостаточно?

– Кому вы рассказывали? Когда? При каких обстоятельствах?

– В четверг... Проходите на кухню, у меня не убрано в комнате, не до того. К нам приходили из милиции в четверг, на следующий день после того, как... как это случилось.

Следом за Татьяной Гордеев проследовал на кухню, маленькую и тесную, точно такую же, как и в его квартире. В раковине громоздилась немытая посуда, на плите – сковорода без крышки, с остатками чего-то жареного, на покрытом симпатичной клеенкой столе – крошки. «Если вот это называется «убрано», то что же у них в комнатах?» – подумал Виктор. Подумал, впрочем, без малейшего осуждения, понимал, каково сейчас родителям Аллы. До порядка ли им? Да пусть все хоть плесенью зарастет, лишь бы девочка вернулась домой живой и невредимой.

Татьяна молча вытянула из-под стола одну из табуреток, Гордеев уселся, а женщина принялась бестолково открывать дверцы навесных шкафчиков, словно забыла, где у нее стоит заварка. Он терпеливо наблюдал и мысленно подсказывал: «Зажги плиту, поставь чайник... Ну же, вспомни, что нужно делать! Вот так, молодец. Теперь возьми заварочный чайничек, вылей старую заварку, включи воду, промой как следует...» Ждать пришлось долго, но Татьяна наконец справилась: чайник на плите издал противный протяжный свист, кипяток полился в заварочный чайник, крошки собраны со стола тряпочкой, появились чашки с блюдами. Ну вот, хоть так.

– Когда пропали дети?

– В среду вечером. Послушайте...

Татьяна неловко махнула рукой, задела одну из чашек, которая упала бы на пол, если бы Гордеев вовремя не подхватил ее. Хорошо, что чашка еще пуста, иначе кипяток непременно ошпарил бы его колени.

– Значит, дети пропали в среду, а сотрудники милиции приходили к вам только в четверг? Как так получилось? Почему они не встретились с вами сразу же, как только вы обнаружили, что Алла и Сергей не вернулись домой?

Косить под неосведомленного дурачка нетрудно, Виктор всегда с легкостью и удовольствием играл в эту игру.

– Мы обратились в милицию только в четверг. Сначала мы их искали, бегали по всем дворам вокруг дома, в сквериках смотрели, в подворотнях, в подъездах. Мы с Олегом и Володей Смелянским искали на улице, а Лена обзванивала по телефону больницы, бюро несчастных случаев, Сережкиных одноклассников, друзей по двору, по кружкам. Конечно, было уже поздно, одиннадцать вечера, начало двенадцатого, дети спали, но Лена разговаривала с родителями... Некоторые даже будили детей, спрашивали у них, не знают ли чего, не встречались ли с Сережей и Аллой тем вечером.

– Что было потом?

– Потом мы подумали, что, может быть, дети поехали к нам, сюда. Конечно, это звучит совершенно невероятно, но... Мы с Ленкой Смелянской вспомнили, как однажды прогуливали школу, классе в девятом, кажется, и попались директорше, – Татьяна слабо улыбнулась. – То есть мы в тот день вообще в школу не ходили, встретились с утра и потащились гулять в парк Горького. А там наша директор школы с внуками. Кто же мог знать, что она в отпуске! Она нас с Ленкой узнала, потому что раньше вела у нас математику. Орала страшно и велела привести родителей, грозила исключением из комсомола. Мы перепугались, от страха мозги совсем отшибло, и мы, две дурочки, вместо того чтобы расходиться по домам, решили спрятаться на даче. Как будто от того, что мы не вернемся домой, ситуация сама собой мимо пролетит. И мы подумали, что ребята могли что-то натворить и побоялись возвращаться к Смелянским.

– А они могли натворить? – с интересом спросил Виктор.

– Все подростки могут, такой возраст, – вздохнула Татьяна и принялась разливать заварку по чашкам, потом добавила кипятку. – Для взрослых это не считается таким уж проступком, а дети могут воспринять как катастрофу.

– Что, например?

– Например, испачкать одежду или ключи потерять. Или деньги. В общем, все, за что дома может попасть, то и катастрофа.

– Значит, вы Аллу ругали за такие вещи? – уточнил Гордеев.

– Что вы, нет, конечно. А Лена очень сердилась на Сережу, Володя тоже всегда строго наказывает, особенно если что-то теряется.

– То есть Смелянские воспитывают сына жестко?

– Ну... в определенном смысле – да. Лена и Володя планируют для Сережи блестящую карьеру, и самое страшное прегрешение в Володиных глазах – что-то потерять. Я сама слышала, как он выговаривал Сережке, что, дескать, сейчас ты ключи посеял, а завтра документы, потому что невнимательный, несобранный, а знаешь, что с тобой сделают за утрату важных документов или партбилета? На твоей жизни можно будет ставить жирный крест! В общем, запугивал его ужасно.

– Бил?

– Нет-нет, что вы! Никогда. Володя очень строгий и принципиальный очень, это правда, но поднять руку на человека, тем более на ребенка... Нет.

Строгий и принципиальный руководитель контрольно-ревизионного управления... Такой вполне может вызвать ненависть или стать жертвой шантажа, и похищенный из подобных соображений сын – не самая гнилая версия, хотя и самая невероятная.

– Хорошо. Что вы сделали, когда подумали, что дети могут находиться у вас дома?

– Олег поехал сюда, а я осталась у Смелянских.

– Как Олег поехал? Вызвал такси? Городской транспорт ведь уже не ходил.

– Поймал частного. Вызывать по телефону, дозваниваться в диспетчерскую, потом ждать неизвестно сколько... Да вы сами, наверное, знаете. Через полчаса позвонил из дома, сказал, что детей нет. Он хотел вернуться к Смелянским, но Михаил Филиппович посоветовал ему оставаться дома, сидеть здесь и ждать, вдруг ребята объявятся, или придут, или позвонят.

– Михаил Филиппович? – переспросил Гордеев. – Кто это?

– Прасолов Михаил Филиппович, работает в Минторге на какой-то высокой должности. Он очень помогал, ездил со мной на служебной машине к кинотеатру встречать детей, потом велел своему водителю возить Олега и Володю по всей округе. Успокаивал всех, советы давал, в общем, вел себя как настоящий руководитель на поле боя.

– Я понял. Что было дальше, после того, как выяснилось, что детей здесь нет?

– Володя Смелянский сказал, что нужно идти в милицию.

– Когда это было? В котором часу?

– Примерно в половине третьего ночи, наверное...

– Так, – Виктор сделал пометку в блокноте. – И вы пошли в ближайшее отделение?

Татьяна покачала головой и почему-то отвела глаза.

– Не пошли? Почему?

– Лена... Она сказала, что если мы просто так придем, никто ничего делать не будет, потому что нужно, чтобы прошло не меньше трех суток с момента исчезновения человека. Нужно организовать убедительный звонок сверху, чтобы заявление приняли и начали искать. И чтобы искали как следует, а не номер отбывали.

– Понятно. И вы с этим согласились?

– Да, Лена сказала, что нужно подождать хотя бы до восьми утра, когда уже прилично звонить. У нее есть какие-то влиятельные знакомые в МВД, она сказала, что они обязательно помогут, позвонят, кому надо, и всех поставят на уши.

Ага, вот теперь ясно. У таких, как Смелянские, вся жизнь по блату. Они убеждены, что для обычных простых людей существует один порядок, а для людей со связями – совсем другой, обслуживание по классу люкс, все самое лучшее. К врачу – не в районную поликлинику,

а к выдающемуся профессору по знакомству, колбаса – не из ближайшего к дому гастронома, а из спецраспределителя. Такие, как эта Елена Андреевна, не верят, что обыкновенные рядовые сотрудники милиции будут работать грамотно и ответственно, потому что рядовые – для рядовых, а для Смелянских и иже с ними – только самые-самые, а лучше всего – министр внутренних дел генерал армии товарищ Щелоков лично.

А Татьяна Муляр, похоже, своей подружке Смелянской в рот смотрит. «Лена сказала...» Лена сказала то, сказала это, Лена знает, как лучше. Ну, понятное дело, раз дом – полная чаша, стало быть, умеет жить, бога за бороду держит.

– Ваша подруга права, пропавших людей начинают искать только по истечении трех суток, – мягко проговорил Гордеев. – Но это касается взрослых. На детей и подростков данное правило не распространяется, их начинают искать сразу же, как только поступает сигнал. Жаль, что вы этого не знали. Продолжайте, пожалуйста. Мы остановились на том, что около половины третьего ночи вы решили дожидаться утра и позвонить какому-то человеку из МВД. Что происходило дальше?

– Ничего... Я осталась у Смелянских до утра, чтобы сразу узнать, что делать и куда обращаться, если Лена позвонит тому человеку. Мы с Олегом все время звонили друг другу, узнавали, нет ли новостей. Детали я плохо помню, я была в ужасе... Ночь прошла, как в кошмаре. В начале девятого Лена начала звонить своему знакомому домой, но не застала, он уже уехал на работу. Потом дозванивалась по служебному номеру, ей отвечали, что его нет на месте. Потом она его все-таки поймала, поговорила. Он велел ждать. А через полчаса примерно в квартиру Смелянских пришли из милиции.

Виктору стало обидно. Кто сказал этим людям, что на «земле», в отделениях милиции и районных управлениях внутренних дел, работают тупые ленивые непрофессионалы? Майор Гордеев, как и почти все его коллеги, начинал на «земле» и хорошо знал, насколько несправедливо подобное мнение и какие порядочные и преданные делу люди служат в низовых подразделениях. Конечно, в семье не без урода, и среди сотрудников милиции можно встретить и туповатых, и ленивых, но ведь такие люди есть в любой профессии. Хотя нельзя не признать, что при контроле сверху и соответствующей команде иногда действительно стараются больше. Иногда. Но далеко не всегда. Чаще все-таки стараются в полную силу без всяких команд и надзора.

* * *

Бюрократию, служебную иерархию и режим секретности никто не отменял. И делиться информацией ни один сыщик не любит. Поэтому для того, чтобы поговорить с сотрудником, занимающимся выявлением и раскрытием хищений социалистической собственности, Гордееву пришлось сначала докладывать своему начальнику, потом ждать, пока начальник поговорит с руководством МУРа, которое свяжется с начальником городского управления БХСС, а оттуда спустится соответствующая команда тому оперативнику, который «обслуживает» сферу торговли. Самое смешное, что с этим опером Виктор Гордеев, как выяснилось, был знаком очень давно, вместе выпили не один литр горячительных, вместе отлавливали «пропавшего без вести», а на самом деле ударившегося в бег проворовавшегося заведующего складом...

Георгий Телегин, которого после выхода на экраны кинофильма «Москва слезам не верит» все называли не иначе как Гогой, всегда выглядел «как денди лондонский»: идеально сидящий костюм, манжеты сорочки непременно с запонками, а не с пуговицами, галстук явно не из московского универмага. «Мой внешний вид должен соответствовать уровню достатка тех, кого я вылавливаю, – говорил Гога. – Они должны видеть во мне ровню и наивно полагать, что я мало чем отличаюсь от них и со мной можно договориться. Меня не должны бояться, меня должны уважать, иначе язык ни у кого не развяжется». Виктор Гордеев, старавшийся

перенимать крупицы профессионального опыта всюду, где можно, намотал такой принцип себе на ус и не забывал о нем. Он твердо усвоил, что страх – плохой помощник в деле установления контакта с собеседником. Страх парализует мышление, и даже если человеку нечего скрывать, он все равно солжет, придумает то, чего не было, забудет о том, что было на самом деле, утаит правду просто на всякий случай.

Гога Телегин знал о Елене Андреевне Смелянской немало.

– Мы на нее давно зуб точили, но она хитрая и верткая, как угорь, никак ухватить не могли. И тут нам информашка прилетела, что она скупил в своем универмаге большие партии дубленок, финских мужских и женских костюмов, там еще чешская и югославская обувь, короче, затарилась импортом по самое не балуйся. Еще и по золоту-бриллиантам вдарила.

– Давно? – живо поинтересовался Гордеев.

– Затарилась в конце декабря прошлого года, когда всем торговым точкам для годового плана дефицит отгрузили. Но мы поздно узнали, она уже все вывезла. Вот мы с тех пор и бьемся, ниточки хватаем, концы ищем: куда конкретно она вывезла? Кто ее оптовики? Кто сбытчики? Понятно, что товар ушел либо на Кавказ, либо в Среднюю Азию, либо на Север, туда, где денег много. Но ты же сам понимаешь, Витек, если мы туда сунемся – там круговая порука и чужих не привечают, никто нам не поможет, а если запросы рассылать, то ответа ждать приходится, и еще не факт, что в ответе правду напишут. Возьмут у заинтересованных лиц денежки и опишут, как надо. Так что разработка у нас большая, долгая, десять месяцев уже копаем.

Виктор хорошо понимал, о чем идет речь. С 1 января 1982 года были повышены оптовые цены на дефицитные товары. Если строго по правилам, то директоров магазинов собирали в одном месте, объявляли им постановление правительства и вручали запечатанные конверты, в которых находились перечни товаров и новые цены на них, после чего, прямо сразу же, директора вместе с членами специальных комиссий разъезжались по своим магазинам, закрывались на переучет, вскрывали конверты и начинали переоценку. Так должно быть в идеале. То есть предполагается, что до утреннего собрания никто не знает о повышении цен и до вскрытия конвертов остается неизвестным, на сколько эти цены повышаются и на какие именно категории товаров. Но, как известно, ничего идеального в этом мире не существует. Директора торговых точек, в которые периодически поступают товары повышенного спроса, всегда имеют крепкие связи там, откуда может прийти полезная информация. В том числе и сведения о том, что в правительстве готовится определенное решение. А дальше вступает в силу обычная арифметика: если известно, что нечто стоит 200 рублей, а после переоценки будет стоить 350 рублей, то есть резон скупить сейчас, по нынешней цене, а как только объявят переоценку, отправить туда, где это с руками оторвут за, например, 330. Дешевле, чем в магазине. Навар может получиться очень недурной даже у тех, кто не особо жадный. А уж если оборотистый гешефтмахер отличается непреодолимой страстью к наживе, то вполне может толкнуть дефицит и за все 400, а то и 450 рублей. То есть накинуть к новой официальной магазинной цене обычную надбавку спекулянта. В магазине-то попробуй купи это нечто, оно ж дефицит, его днем с огнем не найдешь, а если и найдешь, то будешь стоять в очереди много часов, и еще не факт, что тебе достанется.

Стало быть, у Елены Андреевны Смелянской были надежные каналы получения информации. Ну да, и Татьяна Муляр упоминала некоего важного деятеля из Минторга, да и Владимир Александрович Смелянский имел все возможности своевременно узнать то, что полезно для семейного бюджета. Строгий и очень принципиальный. Ага.

– Ты дома у Смелянской уже был? – с надеждой спросил Гога.

– Еще нет, я к родителям девочки съездил и сразу к тебе на свидание мотнулся.

– А планируешь?

– Хотелось бы, – кивнул Виктор Гордеев. – Что, будешь со мной проситься?

– Только попробуй меня не взять. – Телегин угрожающе сверкнул глазами. – Мне же к ней не подобраться никаким другим путем – спугнуть боюсь. А так – сына ищем, святое дело. Тем более ты говоришь, у нее гости были. Были?

– Были. Насколько я понял, как раз такие, как ты любишь. Всякие обеспеченные люди с нехилыми связями, при должностях, с ног до головы в импорте. Так что у тебя появится шикарный и безопасный повод пообщаться потом с каждым из них. Но в моем присутствии, – с напускной строгостью прибавил Виктор.

– Ой, да на фиг тебе сдались эти торгаши? – заблажил Гога.

– Лишними не будут.

– Не финти! Я же помню, как мы того завскладом искали и ты все ныл, что у тебя в среде торгашей ни одного толкового источника нет. Так что ты мне полезен в смысле мадам Смелянской, а я тебе за это подкину информашку об остальных гостях, если ты кого себе на вербовку присмотришь, подсоблю личностными характеристиками. Лады?

– Хитрый ты, Гога, – рассмеялся Гордеев.

– Да уж не хитрее тебя.

* * *

Жанна вышла из лифта и, прежде чем нажать кнопку дверного звонка, вытащила из сумочки пудреницу, шелкнула крышкой, глянула на себя в зеркальце. Подумала сперва, что надо бы освежить помаду на губах, но сообразила, что, пожалуй, ни к чему. А вдруг Кирилл сегодня будет в настроении? Он терпеть не может ни вкуса губной помады, ни ее следов, остающихся на коже, а порой и на одежде. Секс с Кириллом был не сказать чтобы уж сильно привлекательным, но ничего, вполне можно вынести и даже придурнуться в нужные моменты. Жанна зависит от Кирилла, прекрасно понимает, что таких, как она, у этого типа с десятков, если не больше, а вот он у нее один. Пока отношения с ним деловые и доверительные, Жанна Янишина может спать спокойно и знать, что будет включена в состав труппы, выезжающей на зарубежные гастроли. А без гастролей не видать ей заграничные как собственных ушей. Суточные выдают крохотные, из расчета «с голоду не сдохнуть и купить пару самых дешевых сувениров», но люди-то опытные, знают, как и что делать, чтобы разжиться и косметикой, и какой-никакой модной одеждой. С собой везут икру и водку на продажу и консервы с бакалеей на собственный прокорм, чтобы из суточных не тратить, так что выходит более или менее. Опять же, если не попадать в гастрольный состав, то она станет Кириллу не так интересна. Ему ведь важно знать не только то, как ведут себя актеры в Москве, чтобы понимать, кого можно выпускать за рубеж, а кому лучше остаться дома, но и то, как они ведут себя в поездке. Что покупают, куда ходят, с кем общаются, какими впечатлениями делятся, не восхищаются ли образом жизни и изобилием товаров в заграничных магазинах, не пытаются ли уклониться от исполнения обязательного правила «не уходить одному» и с кем-то встретиться и все такое. Если Жанна станет невыездной, то интерес Кирилла к ней резко упадет. В общем, деловой контакт у актрисы и офицера пятого управления КГБ обоюдовыгодный, но Жанна на всякий случай старается и на интимном поле. Кирилл легко найдет себе другую дуру, которая с удовольствием станет стучать на коллег по театру, особенно если ее не берут на гастроли и она смертельно завидует тем, кто выезжает, а вот где Янишиной потом найти того, кто станет помогать и снова сделает ее выездной – еще большой вопрос.

Сегодня Кирилл, как выяснилось, был настроен на секс. Но сначала, конечно, дело. Жанна отправилась на кухню варить кофе и сразу поняла, что в квартире недавно был еще кто-то, кроме самого Кирилла. Она знала, что здесь никто не живет, здесь Кирилл только проводит встречи с теми людьми, контакты с которыми лучше не афишировать. И следы пребывания этих людей Жанна цепким женским взглядом всегда сразу находила. Например, Кирилл имел

привычку тщательно вытирать кухонным полотенцем вымытые стаканы и рюмки, поэтому следы засохшей воды недвусмысленно свидетельствовали о том, что посуду мыл и убирал не он. Или занавеска для ванной: Кирилл оставлял ее полностью расправленной, во всю длину ванны, нижней частью внутрь. Если шторка собрана или нижняя часть болтается поверх ванны, значит, мылся кто-то другой. Ну, в общем, таких мелочей было много, Жанна хорошо изучила своего куратора из КГБ, его вкусы и привычки.

Обнаружив на решетке для посуды еще не просохшие высокие стаканы, Жанна быстро заглянула в ванную, проверила шторку. Так и есть, висит поверх ванны и изнутри вся в каплях. Совсем недавно здесь кто-то принимал душ. Мужчина? Глупости какие! Зачем мужчине душ среди бела дня? Не для секса же с Кириллом... Значит, баба. Ладно, учтем, постараемся как следует, чтобы Кирилл еще раз усвоил: баб можно иметь сколько угодно, но терять Жанну Янишину нельзя ни в коем случае.

– Ну, чем порадуешь? – спросил Кирилл, обаятельно улыбаясь, когда Жанна принесла в комнату джезvu с кофе и чашки. – У меня для тебя есть подарочек, а у тебя для меня что?

Он нагнулся и достал с нижней полки кофейного столика прямоугольную коробку, черную с ярким радужным рисунком. Американские духи! Писк моды и невероятная редкость на просторах СССР.

– Спасибо, Кирюша! – обрадовалась Жанна.

Чмокнув своего куратора в щеку, она заботливо стерла оставшийся след от помады и уселась в низкое кресло напротив, постаравшись, чтобы колени соблазнительно выглядывали из-под юбки.

– В среду была у Смелянских, – сообщила она. – Представляешь, у них сын пропал! Кирилл весь подобрался, улыбка из обаятельной мгновенно превратилась в хищную.

– Что значит: пропал? – требовательно спросил он.

– То и значит. Пошел в кино с девочкой и не вернулся.

– А девочка вернулась?

– Тоже пропала.

Он недовольно поморщился.

– Жанна, ну когда ты уже научишься нормально рассказывать?

Она испугалась. Впрочем, не сильно. Кирилл всегда требовал, чтобы она рассказывала подробно и – главное – последовательно: что было сначала, что потом. Педант чертов. А у Жанны натура артистическая, она жаждет эффектов и аплодисментов, она ценит неожиданность реплики, поэтому начинает обычно с того, что ей самой кажется самым ярким, самым убийственным, самым интересным.

– Не сердись, котик, – пропела она, добавляя в голос обольстительности. – Я просто хотела начать с самого важного. У начальника КРУ сын пропал – что может быть важнее?

– Ты не знаешь и не можешь знать, что для меня важно, а что – нет, – сухо ответил Кирилл. – Твоя задача – рассказывать, сообщать мне информацию, а я уж сам определю, что мне пригодится. Давай все по порядку. И старайся ничего не упустить.

Жанна вздохнула и принялась объяснять, по какому поводу собирались, перечисляла имена и фамилии гостей, кто где сидел, кто что говорил. Все это было невыносимо скучно, но только до того момента, пока Таня Муляр и Михаил Филиппович не вернулись без детей. Вот тогда начал нарастать драматизм, и Жанна с удовольствием передавала в лицах, как развивалась ситуация, даже имитировала голос Елены Смелянской, обзванивавшей больницы и бюро несчастных случаев.

– А потом? – нетерпеливо спросил Кирилл, когда она замолчала.

– Что потом – не знаю, я уехала домой. Поздно было, транспорт не ходит, меня подвезли Журовы, им тоже нужно было возвращаться, у них маленькие дети.

– Что значит «подвезли»? У них служебная машина с водителем?

– Да ты что! Рылом не вышли, – фыркнула Жанна. – Они на своей были.

– И Журов сел за руль выпивши?

– Нет, за рулем была Светлана, она опять беременна, поэтому не пила совсем. Ну вот, а утром я позвонила Ленке Смелянской, спросила, вернулись ли дети, и оказалось, что так и не вернулись.

– В милицию заявили?

– Конечно. Говорят, ищут. Сегодня уже суббота, а ребят так и не нашли. Как ты думаешь, найдут?

– Смотря как будут искать, – неопределенно ответил Кирилл и со стуком поставил пустую чашку на блюде. – Тебя уже опрашивали?

– Меня? – изумилась Жанна. – А чего меня-то опрашивать? Я, что ли, детей украла?

– Ну почему обязательно украла? Подростки могли уехать куда-то, сбежать. Мальчику почти четырнадцать, большой уже. Мало ли какая дурь в голову стукнет. Может, у них любовь.

Жанна от души расхохоталась.

– Любовь? Ты бы их видел! Аленка – кровь с молоком, рослая, белокожая, крупная, выглядит лет на пятнадцать, у нее грудь уже больше, чем у меня, а Сережка – шпендик малолетний, ниже ее сантиметров на десять, наверное. Нет, ну она-то ему нравится, конечно, это даже со стороны заметно, он прямо млеет, когда смотрит на нее. Но Аленка его не воспринимает, голову могу дать на отсечение, я в таких вещах разбираюсь. Сережка для нее брат, друг, да кто угодно, только не объект романтических мыслей. Она, между прочим, все на Журова поглядывала, он же красавчик, на Алена Делона похож.

– Акселераты, – согласно кивнул Кирилл. – А Журов что же? Тоже поглядывал на девочку? Реагировал как-то?

Жанна прикусила язык. Журов работает в Комитете молодежных организаций, а все нормальные люди прекрасно знают, что там простых сотрудников нет, все так или иначе связаны с КГБ. Выходит, она только что дала повод Кириллу заподозрить коллегу в нехорошем. А вдруг Журов узнает, что она такое ляпнула? Впрочем, ничего особенного она ведь не сказала. Разве красавчик Журов виноват, что на него заглядываются и женщины, и девушки, и совсем сопливые девчонки? Он себе внешность не выбирал. Да и сама Жанна вовсе не была против, когда лет десять назад у них случился короткий, но бурный роман. Света Журова тогда была беременна первым ребенком. Токсикоз, нервы, капризы, пигментные пятна, отечность... Ну, понятное дело, в такие периоды многие мужики с цепи срываются. Светка снова беременна, уже в третий раз. И Славик Журов наверняка снова завел интрижку. Но не с малолеткой же! Просто смешно. От обычного бабника до педофила – как до Луны вообще-то.

– Никак он не реагировал, – сердито проговорила она. – Все были озабочены... сам знаешь чем, это ж десятое число было. Не до улыбок. Кира, у нас в феврале-марте гастроли в Австрию и Бельгию.

– Я в курсе, – равнодушно откликнулся Кирилл.

– И?

– Можешь собираться. Если будешь умницей, конечно.

– Спасибо, милый! Сварить еще кофе?

– Свари. И иди в душ.

Уж она постарается. Из всех сил. С сегодняшнего дня в стране новое руководство, и теперь ее куратору будет куда удобнее и легче поддерживать своих информаторов. КГБ заберет себе всю власть, и кто знает, в каком театре и на каких ролях может уже совсем скоро оказаться Жанна Янишина!

* * *

Подполковник Череменин уже закрыл было сейф и приготовился опечатывать, но внезапно снова повернул ключ, потянул на себя железную дверцу и достал папку. Ту самую, которая вот уже несколько месяцев не давала ему покоя. Не сама папка, разумеется, а ее содержимое. Информация об убитых мальчиках-подростках. В разных городах СССР, в разных республиках. Без признаков сексуального насилия. Что это? Маньяк? Секта? Сумасшедшие сатанисты?

Леонид Петрович Череменин служил в Главном управлении уголовного розыска МВД СССР, в отделе по раскрытию убийств. В главк попадали преступления либо резонансные, либо особо сложные и вот такие, многоэпизодные, совершенные предположительно одним и тем же лицом, но в разных городах страны.

О том, что имеет место серия, стало известно далеко не сразу. Если бы тяжкие преступления против несовершеннолетних не находились на особом контроле на местах, то серию могли бы никогда не выявить. Спасибо внимательному и памятливому сотруднику из МВД СССР, который в ходе плановой инспекторской проверки в одном из регионов запросил материалы дел, находившихся на контроле у руководства областного ГУВД, уцепился за нераскрытое убийство подростка и вспомнил, что в каком-то другом регионе сталкивался с чем-то очень похожим. Изучили информацию сначала из того региона, потом разослали запросы по всей стране, проанализировали, обдумали. И выходило то, что выходило. То есть плохо. Череменин и его коллеги выезжали на места, где обнаруживали трупы мальчиков, проверяли, что и как сделано для раскрытия убийств, старались придумать еще какие-то версии, которые позволили бы понять, где искать преступника, но ничего не выходило. По огромной стране разъезжал человек, который почему-то убивал мальчишек 13–16 лет и о котором ничего невозможно было понять. Длилось это вот уже четыре года. Что у него в голове? У потерпевших ничего не брали, да и что можно взять у подростка? Карманные деньги? И ради этого убивать? Их не насиловали, не расчленили, не оставляли свойственных маньякам знаков. Просто истязали и потом убивали. Во всех случаях, а их насчитывалось уже восемь, на телах убитых судмедэксперты фиксировали следы побоев, нанесенных непосредственно перед смертью. Если бы речь шла о единичном случае, можно было бы предположить, что несчастный подросток столкнулся с шайкой подвыпивших идиотов, завязалась ссора, перешедшая в драку, парнишку избили всем скопом и убили. Один случай – да, вполне. Но восемь! И в разных городах, в разных республиках. Если только спортсмены-юниоры, выезжающие примерно одним и тем же составом в разные места на сборы. Это была единственная достойная версия, и ее проверяли вот уж сколько времени, но толку пока не было.

В субботу Череменин, как и каждый день, просмотрел с утра сводку по Москве. Убийств, которые могли бы заинтересовать главк, за истекшие сутки не произошло, и слава богу. В сводке по стране, куда попадали только самые значительные происшествия, тоже ничего такого не оказалось. Но вот исчезновение подростков, которое прошло по московской сводке в пятницу, засело в памяти и беспокоило... Мальчик тринадцати лет и двенадцатилетняя девочка. Конечно, бить тревогу пока рано, во-первых, с детьми все может завершиться вполне благополучно, во-вторых, девочка не вписывалась в модус операнди неизвестного преступника. Но поговорить все-таки надо.

Череменин задумчиво посмотрел на листки, сложенные в папку, вышел из кабинета и через десять минут вернулся, неся в руке ориентировку на розыск Сергея Смелянского и Аллы Муляр. Снял трубку и позвонил Гордееву.

– Привет, Витя.

– Здорово, коль не шутишь, – устало отозвался Виктор. – Ловко ты меня поймал, я только-только от руководства, заскочил к себе одеться, уже у двери стою.

– Домой собираешься?

– Угу. А что? Есть вопросы?

– Есть, Витя. Поговорить бы надо. Приватно.

– Срочно?

– Боюсь, что да. Уж извини.

– Эх...

Гордеев помолчал несколько секунд.

– Ладно, перезвоню своей Надежде Андреевне, скажу, чтобы не ждала, спать ложилась.

Где встречаемся?

– Подъезжай на «Щелковскую», выход к магазину для новобрачных, я тебя там подхвачу.

– Ого! – присвистнул Гордеев. – А что у нас на «Щелковской»? Любовное гнездышко?

– Оно самое, – усмехнулся Череменин.

* * *

Когда Леонид Петрович подъехал к выходу из метро, то сразу увидел крепкую шарообразную фигуру Гордеева. Невысокий, с налитыми мышцами и круглой почти полностью лысевшей головой, Виктор напоминал свинцовый шар. Вдвоем они проехали еще пару кварталов, и Череменин остановил машину.

– Здесь, – сказал он, выключая двигатель.

Пока поднимались в лифте, Гордеев спросил понимающе:

– «Кукушка», что ли?

«Кукушками» оперативники называли конспиративные квартиры, в которых проводились встречи со спецаппаратом, проще говоря – с агентурой.

– Увидишь, – загадочно хмыкнул Череменин.

Когда дверь квартиры открылась, на лице Виктора было написано презрительное понимание: ну конечно, притащил в дом к молоденькой любовнице.

– Привет, папуля!

– Привет, ребенок! – Леонид Петрович чмокнул дочь в нос. – Знакомьтесь. Гордеев Виктор Алексеевич – Настя, моя дочка.

– Здравсьте, – вежливо сказала Настя. – Проходите, пожалуйста. Только у меня еды нет. Совсем никакой.

– Ладно, разберемся, – легкомысленно ответил Череменин.

* * *

Майор Гордеев и подполковник Череменин не были близкими друзьями, скорее, добрыми знакомыми, много и тесно общавшимися по работе, но почти ничего не знающими о личной жизни друг друга. По нескольким словам, брошенным когда-то давно и вскользь, Виктор понял, что Леня Череменин женился в свое время на женщине с ребенком, и слово «ребенок» настолько прочно осело в голове, что сейчас Гордееву трудно было поставить все на свои места, включить внутренний календарь и осознать: тот ребенок давно вырос и превратился в молодую женщину. Высокая, худая, бесцветная, с невыразительным лицом, длинные светлые волосы собраны в хвост на затылке.

– А где твой рыжий гений? – спросил Череменин, обращаясь к дочери.

– Вчера был, – коротко ответила Настя.

– И что? Ты считаешь, что это ответ на мой вопрос?

– Ну папуля, не каждый же день...

Блеклая тощая Настя скрылась в комнате, плотно притворив дверь, а Виктор и Череменин принялись разбираться с содержимым холодильника. Содержимое было, прямо скажем, так себе. Гордеев неодобрительно фыркнул, разглядев в холодных глубинах кусочек сыра, одну сморщенную от горя сосиску, полпачки сливочного масла и банку томатной пасты.

– Что-то не больно хозяйственная у тебя дочка. Вот моя Надежда Андреевна...

– И моя Надежда Ростиславовна тоже, – не дал ему договорить Череменин. – Наверное, все дело в именах. Назвали Анастасией – вот и получили. Надо было другое имя придумывать.

Оба рассмеялись, вспомнив, что женаты на тезках. Леонид Петрович проверил кухонные шкафы и предложил сварить макароны или гречку.

– А можем просто чаю попить без ничего. Или кофе. Кофе у Настюхи всегда есть, она без него жить не может.

– Давай кофе, – махнул рукой Гордеев. – Чего уж теперь. Так какая у тебя печаль, Леня? Что стряслось?

И подполковник Череменин начал рассказывать. Потом раскрыл папку и достал ориентировки с фотографиями, разложил на столе.

– Вот эти восемь – мои, а эта, на двоих ребят, – твоя вчерашняя.

– Хреново, – протянул Виктор, разглядывая фотографии. – Думаешь, мои ребятки из той же серии?

– Не знаю. Но исключать нельзя. Так что просто имей в виду, ладно? Если найдутся живыми и невредимыми – порадуемся, а если... Тогда не забудь то, что я рассказал.

– Леня, а ты почему на этих ребят внимание обратил? – спросил Гордеев. – Тебе кто-то сказал?

Череменин приподнял брови, посмотрел удивленно.

– Не понял вопроса...

– Поясняю: у мальчика родители не простые, они даже в милицию не стали сами обращаться, все сделали через кого-то в МВД. И мне интересно, как далеко ушла волна и какой она высоты.

– А, в этом смысле... Нет, никто не звонил, не предупреждал, ничего такого. Просто сводку по Москве посмотрел и увидел.

– Но мог и не посмотреть?

– Не мог. Сводку смотрю каждый день, это как зубы почистить и побриться. Но вот не увидеть мог запросто. Я же по части убоев, пропавшие подростки – это не мое. Глаз зацепился чисто случайно.

– А если бы не зацепился? Что было бы, если бы наш эпизод лег в твою серию, а ты узнал бы об этом, когда уже все следы остыли? Мы сейчас землю носом роем, пытаемся восстановить все передвижения детей, каждый их шаг, каждое сказанное слово, и все, что знает главк, нам могло бы очень пригодиться, а вам может понадобиться то, что знаем мы. Ну почему все так тупо устроено, Леня? Почему нет нормального информационного взаимодействия, единых баз каких-то, что ли... Развели, блин, секретность на пустом месте! В Советском Союзе создана новая общность «советский народ», с моральным кодексом строителя коммунизма и все вот это... То есть советский человек не может быть маньяком, поэтому вся информация подобного рода является грифованной и болтать о ней нельзя. Даже среди своих. В каждом конкретном городе знают о «своем» трупе, но о том, что эти трупы по всей стране находят, осведомлены только избранные. Почему так, Леня? Вернее, я понимаю почему, но не понимаю другого: неужели никто не видит, что это мешает работе? Неужели там, наверху, действительно считают, что самое главное – сделать вид и подать красивую картинку, а не раскрыть преступление и остановить убийцу? Или они там искренне, от всей души убеждены, что по мере продвижения к коммунизму преступность будет постепенно искоренена, потому что люди будут становиться

все лучше и сознательнее? Они все уже живут в завтрашнем дне, у них, у этих старцев кремлевских, давно уже коммунизм наступил, каждый из них получает по потребностям, а отдает по очень сомнительным способностям, а до того, что преступники убивают и будут убивать до тех пор, пока их не поймают, им и дела нет. Причем, заметь, до воров и расхитителей им дело очень даже есть, вон замминистра рыбного хозяйства аж к расстрелу приговорили за взятки и хищения, а на горе родителей, у которых пропадают или гибнут дети, им плевать. Да что я тебе рассказываю...

Виктор безнадежно махнул рукой и удрученно замолчал. Череменин вздохнул, пожал плечами, лизнул подушечку указательного пальца и прижал к блюдцу, собирая прилипающие к коже крупинки сахара.

– Знаешь, пока Настюха училась, я то и дело заглядывал в ее учебники, интересно было, отличается ли то, что в них написано, от того, что было написано, когда мое поколение получало юридическое образование. Думал, может, какую новую идею почерпну, новый взгляд, новое знание. Ни фиги! Как придумали лозунги шесть десятков лет назад – так и переписывают их. Наверное, за столько лет и сами поверили. Пойдем-ка, я тебе кое-что покажу.

Он повел Гордеева в комнату. Настя сидела за большим письменным столом, заваленным толстыми книгами и бумагами, и бодро печатала на портативной пишущей машинке. Мебели в комнате было явно маловато: кроме письменного стола Виктор увидел только какую-то стенку из светлого дерева и два стула, один из которых занят хозяйкой. Вдоль стен прямо на полу громоздились стопки книг и папок. «Где же эта девица спит, хотелось бы знать? – подумал Гордеев. – На полу, что ли? В холодильнике пусто, в комнате пусто. Как будто она здесь и не живет. Занятно».

– Ребенок, дай-ка нам посмотреть твои переводы.

Девушка оторвалась от работы и обернулась.

– Какие именно?

– Американские журналы, где про информационные связи полиции написано.

Настя с явной неохотой встала и принялась перебирать толстые папки с завязками.

– Вот, держи.

Она протянула отчиму папку, на которой красовалась наклеенная бумажка с надписью крупными буквами: «Полиция США, ОР».

– Что такое ОР? – не сдержал любопытства Гордеев.

– Организация работы, – пояснила Настя. – Если РП, то это про раскрытие отдельных видов преступлений, если ПП – то профилактика и предупреждение. Здесь будете кушать, или вам с собой завернуть?

Гордеев юмор оценил и хмыкнул.

– Сделай нам кровать и пойдешь на кухню, выпей кофейку, –скомандовал Леонид Петрович.

– Папуля, ты двусмыслен до полного неприличия, – рассмеялась бесцветная Настя.

Гордеев не очень понимал, о чем идет речь, пока она не повернула какой-то рычажок, и часть стенки опустилась, превратившись в спальное место. «Умно, – с завистью подумал Виктор. – Хорошая экономия пространства. Где они такое достали?»

Череменин тем временем уселся на вылупившуюся из мебельной стенки кровать и похлопал рядом с собой, приглашая гостя присесть, распутал узел-бантик на завязках, раскрыл папку и начал перебирать скелетные скрепками листы. Через пару минут нашел то, что искал, и майор Гордеев погрузился в чтение.

* * *

Пустоты в своей квартире Настя Каменская не стеснялась и не испытывала ни малейшей неловкости, если гостям некуда было присесть. А что такого? Понятно же, что на обычную зарплату невозможно полностью обставить однокомнатное жилье за один месяц. Она честно зарабатывала, начиная со второго курса, переводила по трудовому соглашению материалы для Штаба МВД, где очень серьезно относились к изучению передового опыта работы правоохранительных органов зарубежных стран. Штаб получал огромное количество журналов и книг на иностранных языках, и все это нужно было как минимум прочесть и прореферировать, потом специально обученные сотрудники просматривали рефераты, докладывали, куда надо, и уже тогда определялось, какие тексты нужно переводить полностью. Для всей этой работы требовались люди со знанием иностранных языков, и МВД на совершенно законных основаниях привлекало не только штатных переводчиков, которых было катастрофически мало, но и сторонних. И пока Анастасия Каменская училась в университете, сотрудничество с информационно-аналитической службой Штаба МВД было для нее постоянным источником дохода. Пусть и не бог весть какого, но по сравнению с сорокарублевой стипендией довольно заметного. Деньги эти она почти не тратила, отдавала родителям, чтобы к окончанию юридического факультета решить квартирный вопрос и разменять трехкомнатную квартиру, в которой они жили, на двухкомнатную для мамы и отчима и «однушку» для Насти. В принципе, «трешка» менялась либо на две однокомнатные, либо на «двушку» и комнату в коммуналке. Для того чтобы выкроить две отдельные квартиры, требовалась солидная доплата. Вот на эту доплату они и собирали всей семьей. Варианты размена искали долго, но летом, сразу после получения диплома, Настя наконец переехала. На что хватило остатков денег – то и купила, а остальное подождет. Место, где спать, место, где работать, и место, где можно съесть бутерброд и выпить кофе, – вполне достаточно для нормальной жизни. Кто может лучше – пусть делает, а ей, Насте, вообще неинтересно заниматься бытом и тем, что называется «вить гнездо».

Зато работать ей было интересно. Для большинства сотрудников органов внутренних дел слова «карточки первичного учета» автоматически означали рутину, скуку и обязательку, от которых лучше попытаться отмотаться, а если не получается – сделать побыстрее, подписать у начальства и скинуть в учетную группу. Карточка по форме 1 «На зарегистрированное преступление», по форме 2 «На выявленное лицо, совершившее преступление», по форме 3 «На уголовное дело»... И в каждой куча граф, которые должны быть заполнены. Тоска зеленая. Для всех, кроме Анастасии Каменской. Она обожала цифры и факты, и чем их больше – тем лучше. Сведенные в огромных размеров таблицы, разделенные на множество строк и граф, они рисовали перед ее глазами красочную картину жизни сложной симбиотической системы, в которой существовали и взаимодействовали друг с другом одновременно два организма: криминальный и правоохранительный.

Она никогда не хотела стать следователем, или работать в уголовном розыске, или быть адвокатом. Романтика борьбы с преступностью была ей чужда, сериал «Рожденная революцией» ни на что не вдохновлял, «Знатоки» казались конфетно-приторными и чересчур морализаторскими, зато кинофильм «Золотая мина» вызвал массу вопросов, которые она немедленно задала отчиму Леониду Петровичу.

– Видишь ли, ребенок, в оперативной работе нам часто приходится нарушать как внутренние приказы и инструкции, так закон, и нормы морали, – честно ответил тот. – Обычно в книгах и фильмах изнанку нашей работы не показывают, на это есть жесткая цензура, целый Главлит трудится, чтобы ничего неправильного людям не рассказывать. В «Золотой мине» консультантом пригласили нашего заместителя министра, а он проглядел. Ну, или не учел. Или посчитал, что про это можно говорить. Не знаю. Но скандал был знатный.

Если до этого разговора студентка юрфака Каменская предполагала, что в будущем займется чистой наукой, например, теорией права, то теперь ей захотелось разобраться, как же на самом деле все устроено, из чего состоит и как функционирует тонкая, почти неразличимая грань между «можно» и «нельзя», «допустимо» и «недопустимо». Убивать нельзя, это аксиома. А государству, выходит, можно? А как быть с оценкой доказательств «по внутреннему убеждению»? Как просканировать и измерить это убеждение, чтобы точно установить, где оно искреннее, а где лукавое?

Анастасия Каменская не очень-то верила в официальную статистику, а вот цифрам верила. Она их любила и умела с ними разговаривать, и чем больше цифр вносилось в ее таблицы, тем яснее она видела, какие процессы за ними стоят. Если статистика – это кривое зеркало, то вполне по силам увидеть, что происходит на самом деле, нужно только вычислить коэффициент кривизны. Вот для этого самым подходящим и оказалась работа в учетной группе. Сначала Настя разберется, откуда берутся те или иные показатели, поработает в районном Управлении внутренних дел, а потом будет искать возможность перевестись в ЗИЦ, зональный информационный центр, где формируется статистика по всей Москве. Возможно, когда-нибудь ей повезет: она будет работать в Главном информационном центре МВД СССР и иметь доступ к картине по всей стране.

Работу свою она любила, ей было интересно, и она пока еще ни разу не пожалела о своем решении, когда на комиссии по распределению ей предложили выбирать между должностями инспектора паспортной службы, инспектора по делам несовершеннолетних и инспектора учетной группы. Запросов от МВД было в том году немало, но девушкам предлагали весьма ограниченный перечень мест, куда их могли направить на работу. Еще спасибо, что был выбор из хотя бы трех вариантов: выпускница Каменская как отличница приглашалась на комиссию в числе первых, пока еще не все интересные назначения разобраны. Тем, кто учился на «тройки», доставалось такое распределение, какое им и в страшном сне не могло присниться.

Как человек, выросший рядом с сотрудником уголовного розыска, Настя хорошо понимала, что такое служебные разговоры, проявляла деликатность, не спрашивала лишнего, умела становиться глухой и слепой, когда нужно, и не распускать язык, если через мнимую глухоту и слепоту что-то все-таки просачивалось. Поэтому она не спросила, зачем Леонид Петрович привел к ней домой какого-то толстяка по фамилии Гордеев, не удивилась, когда ее попросили найти рефераты и переводы, и закрыла дверь и в комнату, и в кухню, когда отчим отправил ее «попить кофейку». Дело привычное.

Пока кипятилась вода в чайнике, она поставила в раковину невымытые чашки, из которых пили отчим и его гость, и бросила взгляд на листы, не убранные в папку. Обычные ориентировки на розыск, такие всегда вывешивают для всеобщего обозрения на улицах рядом с входом в отделение милиции. Настя пробежала глазами тексты: имена пропавших, возраст, приметы внешности, описание одежды, названия городов. Раз оставлены на столе, значит, ничего секретного.

Она залила кипящую воду в джезву с молотым кофе и задумчиво посмотрела на папку, лежащую на подоконнике. Эту папку принес Леонид Петрович, которого Настя всю свою жизнь называла папой. Заглянуть, что ли? Нет, не нужно. Нельзя. Есть договоренности, которые ни она, ни папа никогда не нарушат. Хотя любопытно, конечно.

Ладно, раз нельзя залезть в чужие секреты, она потренирует память. Память – ее любимый надежный инструмент, благодаря которому Настя Каменская овладела несколькими иностранными языками и имеет возможность подрабатывать в свободное время переводами. И инструмент этот следует содержать в порядке и в тонусе.

Над краями джезвы поднялась пузырчатая пенка. Настя капнула в кофе холодной воды, чтобы крупички осели на дно, немного подождала и налила в чашку горячий ароматный напиток. Уселась за стол, закрыла глаза и мысленно представила себе таблицу, в которую заносила

только что прочитанные данные на пропавших подростков. Имена и фамилии расположила на строках, сверху вниз, остальные данные – в графах, слева направо: город, дата исчезновения, возраст, рост, цвет глаз, цвет волос, особые приметы, одежда... Пару раз останавливалась, припоминая и вызывая в памяти листок ориентировки, испытывала соблазн открыть глаза и подсмотреть – вот же они, совсем рядом, только руку протянуть! Но тогда тренировка не имеет смысла. Нужно вспомнить самой. Вспоминала, радовалась, хвалила себя и продолжала заполнять несуществующую таблицу.

Кофе в чашке закончился как-то очень быстро. Неужели она потратила на таблицу так много времени? Всего-то десять человек: девять мальчиков и одна девочка, а она провозилась целых пятнадцать минут. Что с этими детьми? Они такие разные по типу внешности... И в разных городах... Для похищения с целью незаконного усыновления – слишком большие. Для сексуального насилия? Девочка не вписывается. Сбежали из дома? Погибли? Судя по тому, что папа хранит у себя ориентировки за четыре года, ребят так и не нашли. По крайней мере, не нашли живыми. Наверное, ответы находятся в папке, которая лежит на расстоянии вытянутой руки, но – нет, нельзя. Есть договоренности. И есть взаимное уважение и доверие. Лучше сдохнуть от любопытства, чем разрушить их.

Но...

Насте нужно было подумать. Совсем немного. Всего пару минут. Поэтому она решила сначала вымыть чашки и джезvu, а уж потом сказать то, что собиралась.

Чашки вымыты, поставлены на сушку, даже плита протерта влажной тряпочкой. Тянуть дальше повода нет. Настя постучала в дверь и приоткрыла ее. Папа и его гость Гордеев сидели на кровати рядышком, склонившись над отпечатанными на машинке листками. Это были вторые экземпляры, которые Настя всегда оставляла у себя: где потом найдешь столько интересных материалов о развитии науки и о деятельности полиции за рубежом?

– Дяденьки, вы меня извините, пожалуйста, я знаю, что лезу не в свое дело, но материалы, которые вы оставили на кухне, не секретные.

Гость-толстячок по фамилии Гордеев уставился на нее в полном изумлении. Настя усмехнулась про себя, знала, что на слово «дяденьки» реакция бывает и похлеще. Леонид Петрович поднял на нее спокойные, но настороженные глаза, его-то выходка падчерицы нисколько не удивила.

– Тебе есть что сказать, ребенок?

– Мало что. Но Смелянский и Муляр не из этих. Они другие.

– Почему? – требовательно спросил Череменин. – Потому что их двое, мальчик и девочка? Это я и сам заметил, можешь не сомневаться.

– Не поэтому. Одежда, папуля. Они совсем по-другому одеты. На всех остальных пропавших есть хотя бы один предмет из категории остродефицитных или вообще привозных, зарубежных. В Тюмени – джинсы Wrangler, которые у спекулянтов стоят двести пятьдесят рублей, и это у мальчика пятнадцати лет. В Красноярске – канадская дубленка, в Новороссийске – кроссовки «Адидас», родные, не поддельные. В Минске – снова джинсы, но другой фирмы, Lee. В Вологде – итальянские замшевые мокасины. Ну и так далее. И только Сергей Смелянский и Алла Муляр одеты совсем просто. В перечне одежды Смелянского указан темно-красный свитер австрийского производства, но его не видно. Видна только куртка серого цвета, самая обычная, типа фабрика «Большевичка».

– Все верно, – невозмутимо кивнул отчим. – Подростки из семей высокого достатка, все родители имели доступ к дефициту тем или иным способом. Это установленный факт. Что-то еще?

– Дяденьки, вы не поняли. Во всех случаях, кроме московского, те вещи, которые свидетельствуют о достатке и доступе к дефициту, видны любому, кто мимо пройдет. У мальчика Смелянского дорогой свитер был под курткой, его не видно, понимаете? Если ребят похищали

или заманивали, ориентируясь на одежду и по ней делая вывод о финансовом положении родителей, то со Смелянским и Муляр это не прокатывает.

Отчим и его гость переглянулись.

– Ты хочешь сказать, что если детей похищают, то похититель точно знает, из каких они семей? Он знаком либо с самими подростками, либо с их родителями? – медленно проговорил Гордеев.

– Ну да. Или московские ребята вообще не из этой серии. Если знакомство, то у вас девять эпизодов, а если знакомства нет, то восемь и отдельно еще один.

Леонид Петрович резко поднялся, шагнул к Насте, крепко схватил ее за плечо и потащил из комнаты.

– Выйдем, – коротко бросил он и буквально втянул ее в кухню.

Глаза его сверкали сердито, подбородок напрягся, губы сжаты. Но стоило ему увидеть листы ориентировок, небрежно брошенные на стол именно в том виде, как он их и оставил, лицо смягчилось.

– Сам виноват, – буркнул он. – Не убрал в папку. В папку-то ты, я надеюсь, не заглядывала?

– Нет. Мы же с тобой когда-то договорились раз и навсегда. Поэтому я даже не буду спрашивать, что случилось с этими детьми, хотя узнать ужасно хочется. Они живы?

Череменин отрицательно покачал головой.

– Последних пока не нашли, остальные – нет, к сожалению. Ребенок, ты сама-то понимаешь, что так делать не надо?

– Пап, но ориентировки же не секретные...

– Не секретные, – согласился он. – Но это мои материалы. Мои. А не твои. Я с себя ответственности не снимаю, я не должен был приносить сюда папку и уж тем более не должен был оставлять тебя наедине с ней. Или ее наедине с тобой, – он слабо улыбнулся. – Я непозволительно расслабился, привык, что с тобой у меня никогда не бывает проблем и ты прекрасно понимаешь, что такое служебная информация и служебные разговоры. Но это наша с тобой внутренняя жизнь, ребенок, наши договоренности, наши отношения. А ты позволила себе при постороннем человеке дать понять, что имеешь возможность совать нос в мою работу. И что теперь прикажешь делать? С пеной у рта доказывать, что ты не такая, ты другая, ты своя, ты никому никогда ни одного слова и так далее?

– Ты привел его сюда, ко мне, – упрямо возразила Настя. – Значит, ты ему доверяешь, считаешь его умным и порядочным.

Она в общем-то понимала, что поступила неправильно. Надо было промолчать. И вообще не стоило читать эти бумажки. Самым разумным было бы сразу же, как только она увидела на столе какие-то документы, позвать отчима, мол, папа, ты свои документы забыл...

– Ладно, папуля, давай мириться, – виновато сказала она. – Оба неправы. Но я неправа чуточку больше. Сойдемся на этом?

Леонид Петрович обнял ее, поцеловал в макушку.

– Сойдемся. Но и я тоже хорош, совсем бдительность утратил.

Они вернулись в комнату, где толстенький гость по фамилии Гордеев продолжал увлеченно читать.

– Поехали, Витя, подброшу тебя до дома, спать давно пора, – сказал Череменин.

Тот со вздохом и явным сожалением отложил папку и встал.

– И то верно.

Пока мужчины одевались, Настя бережно сложила свои драгоценные материалы и аккуратно завязала папку. Первое, что она купит, когда еще подкопит денег, это книжный шкаф. Самый большой, какой удастся достать. Хотя где его достанешь? Лучше, наверное, искать чеш-

ские книжные полки, они чаще появляются в продаже. Много-много полок, которые можно развесить по всем стенам от пола до потолка и расставить книги и папки. Мечты, мечты...

* * *

– И что это было? – спросил Гордеев, как только они покинули квартиру.

– Это был мой ребенок, у которого мозги математика, а душа юриста. Вот такой неудобоваримый коктейль.

– Интересно! – хмыкнул Виктор. – И где ж такой коктейль разливают? Вернее, кому наливают?

– Наливают в Бабушкинском РУВД.

– Следствие?

– Учетка.

– Что оканчивала?

– Юрфак МГУ.

– Давно?

– Да нет, летом. Даже звание еще не получила.

Гордеев умолк и снова заговорил, только когда они сели в машину.

– Леня, а ведь девочка дело говорит. Вы не пробовали искать общих знакомых всех родителей?

– Нет. В голову не приходило, если честно. Но я буду думать над этим. И ты по последнему эпизоду подсвети вопрос, лады?

– Угу, – промычал Виктор, не разжимая губ.

Еще немного подумал, глядя на мелькающие за окном огни.

– Жалко, что девчонка. Таким самое место в розыске. Эх, была бы парнем...

– Мечтатель ты, Витя. Ты же знаешь, женщинам в уголовном розыске доверяют только малолеток и немножко бэ-ха-эс-эсные дела. В другие отделы их не берут. Да она и сама не рвется на оперативную работу, ей в учетке нравится, там циферки всякие, она это любит. И характер у нее неподходящий для розыска.

– А что не так с характером? – живо поинтересовался Гордеев.

– Напористости нет, наглости, уверенности. Настя у меня тихая, скромная девочка, которая больше всего на свете боится, что сделает что-нибудь не так и старшие будут ругать, – улыбнулся Леонид Петрович. – Разве таким людям можно идти в опера?

– Таким – нельзя, – согласился Виктор.

* * *

От горячего душа поверхность зеркала запотела, пришлось протирать стекло краем полотенца, чтобы побриться. Виктор Гордеев смотрел на свои упругие круглые щеки и привычно думал: «Хорошо бы, конечно, сбросить вес. Зато бриться удобно...»

В дверь ванной осторожно постучали.

– Витя, можно войти? – послышался голос жены.

Он отодвинул задвижку и вернулся к бритью.

– Что, Надюша?

– Хоть поговорю с тобой, а то ведь другого времени не бывает, приходишь, когда я сплю, а по утрам торопишься, – улыбнулась Надя. – Мальчишки скоро тебя в лицо узнавать перестанут, будут чисто теоретически знать, что у них есть отец.

– Ну, не преувеличивай, иногда я по вечерам бываю дома.

Подумал и добавил, не очень, впрочем, уверенно:

– И по выходным тоже... Иногда...

– Особенно сегодня, в воскресенье, – хмыкнула жена.

– Я же тебе объяснял про «усиление»! Никаких выходных до особого распоряжения. Как у парней в школе?

– Все в порядке, за это не волнуйся. Поскольку у тебя все равно усиление, мы с ними самостоятельно спланировали сегодняшней выходной, поедем на экскурсию. Не возражаешь?

– Я – только «за», – бодро откликнулся Виктор.

Надежда Андреевна Гордеева работала учителем, и оба сына учились в той же школе, так что надзор за мальчиками в смысле успеваемости был постоянным.

– А у тебя как на службе? – спросила она осторожно: знала, что вопросы о работе следует задавать максимально аккуратно. – С переводом что-нибудь слышно?

– Слышно, но тихо, – уклончиво отозвался Гордеев, изнутри натягивая языком щеку.

– Витюша, а может, не нужен тебе этот перевод? Ну зачем тебе иметь дело с убийствами? Ты прекрасно работаешь, ты на хорошем счету, вот-вот подполковника получишь.

Да блин! Вот обязательно порежется!

– Газетку оторви, – попросил он сердито.

Через полминуты Надежда вернулась и протянула ему чистый, без типографской краски, клочок, оторванный от газеты, – самый верный способ остановить кровь из небольшого пореза. Виктор прилепил бумажку на ранку и начал подбривать с другой стороны.

– Мне сколько лет, Надя? А я все еще майор. При нормальном ходе событий я давно должен быть подполковником, но, если ты помнишь, пересидел в капитанах, потому что на той должности потолок звания был капитанский, и получить майора я мог только на более высокой должности. Ты ведь не забыла, почему я тогда не согласился на повышение?

– Помню, – вздохнула жена.

– И в майорах я пересидел больше года, потому что поцапался с начальником и тот отказался писать на меня представление. Так что теперь надо наверстывать. В «убойный» меня зовут на должность замначальника, я там и подполковника получу, и полковника.

– Но ведь ты так хорошо умеешь делать то, что делаешь, – с сомнением заметила Надя. – А вдруг окажется, что у тебя не получится так же хорошо ловить убийц? Или коллектив не понравится, или работа неинтересная. В отделе розыска ты на своем месте, Витя, ты ас, ты признанный профессионал, тебя уважают и ценят коллеги. А там?

– А там должность и звание. Перспектива.

– Даже если скучно или люди неприятные?

«Вот что значит быть учителем литературы! Всегда у нее на первом месте вечные ценности и идеи благородства», – с усмешкой подумал Гордеев. Но ведь именно поэтому и любил он свою Наденьку. Другой такой нет.

– Надюша, рассуждения про «скучно» и про приятных коллег – это для гражданских. Для тех, кто носит погоны, подобные рассуждения неприемлемы. Каждый лейтенант должен хотеть дослужиться до полковника, это аксиома. Если не хочет, значит, он не годится для службы. Ты права, я бы с удовольствием остался в отделе розыска, но перспектив у меня нет. Я и так старший группы, следующая ступень – заместитель начальника, но он назначен не так давно, он молод и освобождать кресло в ближайшее время не собирается. Если я буду ждать, пока он уйдет, я состарюсь и уже никому не буду нужен.

– А если в главк? Там ведь тоже есть отдел розыска.

– Ага, только он работает по всему Союзу. Сейчас я работаю только по Москве, в командировках бываю не очень часто, и ты меня хотя бы по утрам видишь, – улыбнулся он. – Или я тебе уже смертельно надоел? Хочешь, чтобы уезжал надолго и почаще?

– Ну Витя, – с укором протянула Надежда.

– Да кому я нужен в главке! – с досадой бросил Гордеев. – Чем ближе к руководству, тем мощнее должна быть волосатая лапа, которая тянет и поддерживает. Где моя сорочка?

– Висит на стуле, я погладила. Пойдем, я тебя покормлю, и мы с мальчиками побежим, уже четверть восьмого, нам через полчаса выходить, экскурсионный автобус отправляется в девять, а до него еще доехать надо.

Завтраки Надежда Андреевна делала обильные и вкусные, стремясь посытнее накормить своих мужчин. Глядя на накрытый стол, за которым двое пацанов восьми и одиннадцати лет уплетали оладьи с вареньем, Виктор Гордеев ощутил знакомый холод внутри, ледяной и парализующий. Страшно, невозможно представить, что с ним будет, если хоть с одним из мальчиков случится то, что... В силу своей работы Гордеев постоянно имел дело с родными и близкими пропавших, и нередко этими пропавшими бывали именно дети. Он как-то научился не переносить служебные проблемы на семью, и теперь мог даже по две-три недели ни разу не подумать о невыносимом. Но после вчерашнего разговора с Леней Черемениным не думать не получалось.

* * *

– Капитан Носилевич Кирилл Борисович, – сухо произнес начальник, представляя Гордееву незнакомого мужчину, сидящего в кабинете. – Указание руководства: работать в тесном контакте с ним и выполнять указания.

Капитан, стройный симпатичный блондин с приятной улыбкой, протянул Гордееву руку. Ладонь теплая и сухая, рукопожатие крепкое. Все вместе было таким располагающим, что Виктор мгновенно почувствовал острую и немотивированную неприязнь. Впрочем, для неприязни особого мотива и не требовалось, она была присуща всем милицейским по отношению к «старшим братьям». Комитет государственной безопасности всегда стоял выше МВД, офицеры КГБ – белая кость, их служба считалась более важной, и если Комитету что-то нужно – органы внутренних дел обязаны выполнить, не задавая вопросов. И при этом еще описаться от счастья, что их скромная работа пригодилась великому делу государственной безопасности.

– Нас интересует дело о пропавших подростках. Я буду присутствовать при опросах и участвовать в них, – объявил Носилевич без долгих предисловий. – Надеюсь, возражений нет?

– Участвовать в качестве кого? – спросил Гордеев.

Носилевич молча достал из нагрудного кармана два удостоверения, оба красные, но разного оттенка. То, которое потемнее, – сотрудника КГБ, которое посветлее – знакомое, родное, милицейское. Сверкнул корочками и тут же убрал в карман, не раскрывая, так что для Виктора осталось загадкой, какое именно подразделение органов внутренних дел там обозначено. Ну да, у таких, как этот капитан, и липовая ксива всегда найдется. Ладно, чего уж теперь... Сколько Виктор Гордеев служил, сколько себя помнил, Комитет всегда был на коне, а сейчас, когда главный чекист страны превратился в главного человека государства, ссориться с улыбочивым капитаном тем паче опасно. Самое противное, что комитетчики могут требовать почти любую информацию, не раскрывая причин и объектов собственного интереса.

– Представлять меня фигурантам не нужно, но если потребуется, я смогу оправдать свое присутствие вполне убедительно, так, чтобы никого не подставить, – мягко проговорил капитан Носилевич. – В двух словах обрисуйте мне основные версии.

Гордеев взглянул на начальника, мол, прямо здесь будем обсуждать? Тот угрюмо кивнул.

– Первая версия: побег. Вторая: похищение с целью сексуального насилия. Третья: похищение с целью вымогательства денежных средств или по мотивам мести. Это основные, которые мы отработываем в первую очередь, – скупое доложил Гордеев.

– Третья версия, насколько я понимаю, основана на особенностях семьи Смелянских?

– Вы правильно понимаете.

Начальник отдела метнул на Гордеева короткий сердитый взгляд, дескать, нарываешься не по делу, аккуратнее надо, скромнее себя веди.

– Подростки пропали в среду, сегодня воскресенье, для вымогательства слишком много времени прошло, – заметил Носилевич. – Давно бы уже позвонили, предъявили свои требования. А вот месть и иные личные мотивы кажутся мне очень перспективными. Значит, так, товарищ майор: прошу вас в ходе опроса выяснять у всех, кто был в гостях у Смелянских, их передвижения и контакты в течение последней недели. Нет, лучше даже за десять дней, начиная с первого ноября. Полагаю, вы и без моей помощи сформулируете вопросы должным образом.

Ах ты боже ж ты мой! Я за тебя, тупой недалекий мент, все придумаю, решу, под каким соусом ты будешь задавать нужные мне вопросы, и сам рядом посижу, поприсутствую, проконтролирую, чтобы ты чего-нибудь не накосячил и не упустил. И по похищениям детей ты, капитан Носилевич, видать, самый крупный спец в Советском Союзе, все знаешь. А как же похищение детей Деревянко в 1976 году? Забыл? Там ведь именно ради выкупа похитили, и позвонили с требованием денег далеко не сразу. Дело было столичное, московское, ты не мог о нем не слышать, а сейчас делаешь голубые глазки, дескать, в нашей стране такого быть не может, это все буржуазные штучки. «Успокойся, – сказал себе Гордеев. – Так жизнь устроена. И другой она не будет».

– Товарищ капитан...

– Можно просто Кирилл, – приветливо улыбнулся Носилевич.

– Десятого ноября в гостях у Смелянских было десять взрослых человек. Плюс двое подростков и сами Смелянские, итого четырнадцать. Нам предстоит опросить двенадцать душ. Сотрудники с «земли» работают по первой и второй версиям, по направлению Смелянских будем работать только мы с майором Телегиным из службы БХСС. Поскольку направления у нас с Телегиным разные, мы не должны вести опрос в одиночку, стало быть, всех двенадцать человек будем опрашивать вместе. Мы с ним не можем разделиться.

– Понимаю, – кивнул капитан КГБ. – И что из этого следует?

Гордеев пожал широкими округлыми плечами.

– Вам придется высидеть двенадцать бесед. Потратите очень много времени. Если бы вы сказали, кто именно представляет для вас наибольший интерес, мы бы с них и начали. Вам же проще.

«И мы быстрее отделаемся от тебя», – добавил он мысленно.

– А мы не ищем легких путей, – весело рассмеялся Кирилл. – И я никуда не тороплюсь.

«Ну, я хотя бы попытался, – подумал Виктор. – Ясное дело, ни один опер не раскроет истинное поле своего интереса. Будет напускать туману и отделяваться общими словами. Все мы такие».

– Пойдемте, я познакомлю вас с Телегиным, и поедem к Смелянским. Начнем с них, а там посмотрим.

* * *

Гогу Телегина совершенно не озаботило подключение представителя «старшего брата» к розыску пропавших детей. Его поле – спекулянты и расхитители, а спекулянты почти всегда связаны либо с подпольными фабрикантами, либо с теми, кто привозит товары из-за границы, то есть с выездными персонажами. Понятно, что с сотрудниками соответствующих служб КГБ майор Телегин сталкивался куда чаще, чем тот же Виктор Гордеев, он к ним привык, прилажился, приспособился и не испытывал ни малейшего дискомфорта от необходимости совместной деятельности. Усевшись на переднее пассажирское сиденье рядом с капитаном Носилевичем, Гога завел веселую ни к чему не обязывающую трепотню о проблемах обслуживания

новой модели «Жигулей», о том, где лучше менять резину, а где – масло и сколько стоит перебрать движок. Носилевич отвечал охотно и подробно, а Гордеев сидел сзади и тихо злился. На Гогу – за то, что ему легко и не противно общаться с комитетчиком, на себя – за то, что не может преодолеть неприязнь к симпатичному капитану. А ведь это непрофессионально! Сыщик должен уметь быть приятным человеком и располагать к себе любого, от кого можно получить информацию, независимо от того, нравится собеседник или вызывает отторжение. И Носилевич, считающий милиционеров низшей кастой, и Гога играют свои роли, притворяются добродушными, открытыми и готовыми к сотрудничеству. Оба все делают правильно.

Дом, в котором жили Смелянские, Виктор знал только по внешнему виду, бывать в квартирах ему не доводилось.

– Кто-нибудь из вас уже встречался с родителями мальчика? – спросил Носилевич, оглядывая фасад, вдоль которого тянулись длинные лоджии. – Как они вообще?

– С ними разговаривали ребята из местного РУВД, – отозвался Гордеев. – Но по опыту могу сразу предупредить: родители «потеряшек» – это совсем не то же самое, что родители погибших. Там не шок и горе, а тревога и страх. Механизм другой, поэтому и поведение другое.

Капитан понимающе покивал головой.

– То есть от Смелянских можно ожидать всего, чего угодно?

– И даже такого, чего не ожидаешь. Так что приготовьтесь, товарищ капитан.

– Слушай, может, перейдем уже на «ты»? – неожиданно предложил Кирилл.

– Давай, – тут же согласился Гога.

– Можно, – отозвался Виктор без энтузиазма.

* * *

В отличие от Татьяны Муляр, матери пропавшей девочки, Елена Андреевна Смелянская находилась в квартире не одна. Далеко не одна. Дверь оперативникам открыла строгая пожилая женщина в темном трикотажном костюме и с высоким шиньоном на голове, в глубине коридора мелькнула еще одна женская фигура.

– Прошу, – дама в костюме сделала церемонный жест рукой. – Елена Андреевна в гостиной.

Смелянская сидела за столом, перед ней какие-то бумаги и телефон, шнур от которого тянулся из коридора. «Директор у себя в кабинете. Собранная, жесткая, будто готовая к прыжку», – подумал Гордеев. Женщина подняла голову, во взгляде – нетерпение и как будто даже вызов.

– Вы что-нибудь узнали? Вы выяснили, где дети? – спросила она, даже не поздоровавшись.

«Лицо-то каменное, а голос выдает», – отметил про себя Виктор.

– Елена Андреевна, нам нужно еще раз побеседовать, – сказал он.

– Теперь уже с вами? А где тот молоденький, который в прошлый раз приходил?

– Старший лейтенант Разин ищет вашего сына.

– А вы тогда что делаете? Вместо того чтобы искать детей, вы ходите по домам и ведете разговоры? Какие еще у вас могут быть вопросы? Мой сын не мог сбежать из дома, я вам, кажется, ясно это объяснила. Он спокойный умный мальчик, очень послушный, прекрасно учится, его любят и уважают товарищи, у него нет и не может быть причин сбежать.

Гордеев удовлетворенно кивнул. Смелянская, сама того не подозревая, уже сделала за него половину работы.

– Если у подростка нет причин сбежать из дома, значит, его вынудили, заставили. Вот об этом нам и нужно поговорить.

– Да кто же мог его заставить? – Смелянская возмущенно всплеснула руками. – Сережа не водится с плохими компаниями, все его друзья из очень хороших семей.

Гордеев оглянулся. За его спиной в проеме раздвижной стеклянной двери стоят две женщины: строгая пожилая и еще одна, лет тридцати пяти, крашенная блондинка с крупными серьгами в ушах, у обеих на лицах напряженное внимание, ловят каждое слово. Рядом с ним молча стоит Гога, чуть позади – Носилевич. Гога ждет, когда можно будет вступить, а Носилевич вряд ли скажет хоть что-нибудь, его дело – слушать и запоминать, если вдруг будет произнесено что-нибудь важное для него.

– Попрошу посторонних удалиться, – с грубоватой строгостью бросил Виктор. – И дверь закройте, пожалуйста.

Пожилая дама и блондинка с серьгами нехотя отступили в коридор и задвинули дверь. Гордеев бесцеремонно уселся за стол, как можно ближе к Смелянской, чтобы разговаривать, не повышая голоса: уверен был, что женщины постараются подслушивать.

– Елена Андреевна, у вас есть недоброжелатели?

Смелянская удивленно приподняла брови, потом недовольно сдвинула их.

– Я занимаю ответственную должность. Совершенно естественно, что есть люди, которые хотели бы сами эту должность занять, они вряд ли любят меня и желают мне добра. Я не понимаю...

– А враги? – спокойно продолжал Гордеев, нимало не беспокоясь о том, что невежливо оборвал человека, «занимающего ответственную должность». – Враги у вас есть? Может быть, люди, которые должны вам большие суммы денег и не отдают, а вы настаиваете? Или люди, которые хотели бы вам отомстить за что-нибудь?

По сценарию предполагалось, что этот вопрос станет последним вопросом майора Гордеева, и как только на него будет получен ответ, причем любой, на сцену выйдет майор Телегин. Однако же, как зачастую и бывает, сценарий потерпел неудачу, чтобы не сказать – крушение. Елена Андреевна из болезненно-бледной превратилась в пепельно-серую.

– Как вы смеете? – начала она негромко, но тут же сорвалась на визг. – Почему вы не ищете моего сына, а задаете мне вопросы, которые не имеют никакого отношения к Сереже? Вы должны бегать, задрав хвосты, землю носом рыть, у меня пропал ребенок, а вы чем занимаетесь? Изображаете видимость деятельности, чтобы было чем отчитаться перед вашим руководством? Вы, трое офицеров, тратите время на пустые разговоры, вместо того чтобы искать детей! Значит, так: разговаривать я буду только со следователем, пусть он занимается бумажной работой, пусть задает мне любые вопросы и тратит на это время, а вы отправляйтесь делать свою работу и искать Сережу и Алену. Можете считать, что ваш визит окончен!

– Не получится, Елена Андреевна, – раздался за спиной у Гордеева голос капитана Носилевича.

Смотри-ка, открыл рот и даже что-то сказал. Хотя не должен был бы. Интересно, какую игру он ведет? Зачем влезает на чужую поляну?

– Что значит «не получится»? – выкрикнула Смелянская. – Почему? Я немедленно звоню...

– Потому что нет никакого следователя, – заявил капитан.

– Как это нет? А где он?

– Елена Андреевна, следователь ведет расследование уголовных дел. Пока дело не возбуждено, нет и следователя.

Носилевич по-прежнему стоял чуть поодаль, не делая ни шагу, чтобы приблизиться.

– Я не понимаю...

Смелянская заметно сбавила тон.

– Вы хотите сказать, что дело не возбудили?

– Не возбудили.

– Но почему? Как это может быть?! Дети пропали, их нет уже четвертые сутки, а дело до сих пор не возбудили? Да чем вы там вообще занимаетесь?! – Она снова начала говорить все громче и громче. – Я позвоню и потребую, чтобы немедленно...

– Елена Андреевна, не надо так кричать, – с мягкой улыбкой произнес капитан КГБ. – Уголовные дела возбуждаются тогда, когда есть признаки того, что было совершено преступление. О каком преступлении мы можем говорить в данном случае? По какой статье должны возбудить дело?

– Знать статьи – это ваша обязанность, – огрызнулась Смелянская. – Я директор универсама, а не прокурор. Двое подростков исчезли неизвестно куда, и вы хотите сказать, что здесь нет преступления?

– Думаю, что есть, – согласился Носилевич. – Но какое? Пока дети не найдены, мы можем только догадываться, что могло с ними случиться. Я охотно верю, что и ваш сын, и Алена Муляр не могли захотеть сбежать от родителей в полную неизвестность. Значит, произошло нечто иное и, вполне возможно, преступное. Но нельзя возбудить уголовное дело с формулировкой «вероятно, совершено какое-то преступление», понимаете? Нужно точно знать, какое именно. А если не точно, то хотя бы приблизительно. Основания нужны не только для обвинения, для подозрений они тоже нужны. Таков закон. Если подростки не сбежали и не стали жертвой несчастного случая, значит, их похитили. И нам нужно получить фактические данные о том, кто мог это сделать и по каким мотивам. Поэтому, Елена Андреевна, мы будем задавать вам вопросы, а вы потрудитесь, пожалуйста, отвечать на них, иначе мы не сможем собрать достаточно материала для возбуждения дела.

– Да какие еще вопросы?! Не знаю ли я, кто мог похитить детей? Нет, не знаю! Не знаю!!! Какие еще у вас вопросы?

Она закрыла лицо руками и сгорбилась. Железная леди все-таки сорвалась. «Хотелось бы понимать: это именно то, чего добивался комитетчик? – спросил себя Гордеев. – И зачем ему это? Надеется вывести ее из себя и заставить проболтаться о какой-нибудь контрабанде или о связях с иностранцами? Тупо и глупо. И странно к тому же. Я всегда думал, что Комитет работает тоньше».

– Давайте не будем терять время, Елена Андреевна, – терпеливо произнес Виктор Гордеев. – Поверьте мне, поисками Сережи и Алены занимается достаточно много наших сотрудников, все они хорошие профессионалы, знают свое дело и очень стараются найти ребят как можно быстрее. У нас с коллегами есть свой участок работы, и чем скорее мы выполним поставленную перед нами задачу, тем лучше для дела. Вы же понимаете, что для поисков задействованы самые лучшие силы и контроль осуществляется самый строгий.

Последнюю фразу он произнес особенным голосом, добавив в него интимной выразительности, чтобы Смелянская осознала: ее звонок «наверх» возымел должный эффект.

Эти слова подействовали. Виктор правильно рассчитал: для высшей касты – все самое лучшее, а директор любого магазина в советской стране – это именно высшая каста, потому что к ним на поклон ходят и знаменитые артисты, и обласканные властью писатели, и крупные ученые, и прочая «нерядовая» публика. Как там у Райкина было? Достать «через завсклад, через старший туварвед, через заднее кирильцо». Директор крупного универсама – практически небожитель, перед ним все двери открыты. Великая сила дефицита, который является единственной реальной властью и управляет всей повседневной жизнью людей.

Гога Телегин сразу уловил перемену в Елене Смелянской, сел за стол напротив Гордеева и раскрыл блокнот, приготовившись записывать.

– Итак, Елена Андреевна, давайте вспомним во всех подробностях последние десять дней до исчезновения вашего сына. Начнем с первого ноября...

А капитан Носилевич не шелохнулся, с места не сдвинулся, так и стоял в некотором отдалении. Гордеев то и дело поглядывал на него и видел: Носилевич слушает очень внимательно.

* * *

Настя Каменская не любила рано вставать, она была типичной совой, с удовольствием читала или работала до поздней ночи, и подъем в семь утра по будильнику всегда был для нее мучительной пыткой. Она с трудом сползала с постели, чувствуя себя вялой и какой-то отупевшей, руки и ноги плохо слушались, мозги не шевелились, и ей пришлось в свое время разработать целую программу, чтобы приводить себя в пригодное состояние к началу сперва учебного, а потом рабочего процесса.

Сегодня воскресенье, и организм никак не желал смириться с тем, что предстоит рабочий день. В принципе усиленный режим несения службы распространяется только на тех, кто носит погоны, и Насте как сотруднику, еще не получившему первое офицерское звание, было не обязательно выходить на службу в выходные дни, но ей даже в голову не пришло проманкировать. Она будет работать наравне со всеми аттестованными коллегами. Во время «усиления» полагалось находиться на рабочих местах с девяти утра до девяти вечера, но начальник сделал послабление для женщин, разрешил им уходить в шесть часов, как обычно. Разумеется, на начальников подразделений это не распространялось: будь ты женщина или мужчина, а сидеть будешь все двенадцать часов каждый день до отмены.

Накануне отчим и его гость, толстячок по фамилии Гордеев, ушли незадолго до полуночи, после этого Настя еще часа полтора посидела над переводом, а утром, стоя под душем и переключая воду с очень горячей на ледяную и обратно, пыталась для тренировки памяти мысленно воспроизвести вчерашнюю таблицу, которую составила в голове по материалам незаконно прочитанных ориентировок. Может, напрасно она полезла со своими скороспелыми выводами? Сколько здесь вариантов? Основных – два: либо последние подростки, Смелянский и Муляр, не входят в серию, либо входят. В пользу первого варианта говорит отсутствие видимых дефицитных предметов одежды, в пользу второго – наличие такой вещи на мальчике Смелянском, но под курткой. А девочка, Алла Муляр? Ее куда пристегнуть? Ну, допустим, она просто была вместе со своим другом, ее прихватили заодно, чтобы не отпускать свидетеля. Ладно. А как можно объединить в серию все девять эпизодов с учетом последнего, московского? Только личным знакомством преступника с семьями потерпевших. Он входил либо в круг контактов родителей, либо в круг общения самих подростков. И кто же это может быть, если принимать во внимание огромный географический разброс? Ответ находится на поверхности: командированный. Например, шофер-дальнобойщик. Или снабженец. Или еще кто-то, кто по работе выезжает в разные города и республики. Этот ответ настолько очевиден, что глупо предполагать, будто отчим и его коллеги не проработали такую версию. Командированными они наверняка занялись в самую первую очередь. И ни к чему не пришли. Значит, что-то другое. Но что? «Летун», меняющий места работы каждые четыре-пять месяцев? Возможно. Но как его вычислить? Никак. Если только случайно попадется.

Запиликал пластмассовый кухонный таймер, который Настя приносила в ванную и выставляла на 15 минут: ровно столько в ее утреннем графике отводилось на контрастный душ, ни минутой больше. Все рассчитано, чтобы являться на работу вовремя и ни в коем случае не опаздывать.

Она закуталась в старенький, местами изрядно облысевший махровый халат, выползла из ванной и стала с тоской обозревать пустые полки холодильника. О том, что «еды нет, совсем никакой», она хорошо помнила, но, как и многие молодые люди, все равно надеялась на чудо. А вдруг она что-то проглядела, не заметила? Нет, увы, память не подвела и на этот раз: на решетчатых полочках не нашлось ничего, кроме полусохшего опметка «российского» сыра и одной сморщенной сосиски. А, еще масло и полбанки томатной пасты, но это уж совсем ни к чему... Или к чему? Голь на выдумки хитра. Настя достала из деревянной хлебницы остатки

белого батона за 18 копеек, кусочек сыра потерла на мелкой стороне терки, бросила грустную сосиску в кипяток, чтобы немного взбодрить ее увядшее тельце. Сосиску режем на кружочки, прикидываем на глазок соотношение этих кружочков с площадью нарезанного батона. Сковороду на газ, кладем масло, ждем, пока растопится, потом раскладываем дольки батона, слегка обжариваем с одной стороны, переворачиваем, смазываем тонким слоем томатной пасты, кладем сосисочные кружочки, сверху присыпаем тертым сыром, накрываем крышкой, убавляем огонь до минимального. Пока доходит, можно сбегать в комнату одеться. Взгляд на часы: пока все по плану, она успевает. Зато теперь в холодильнике уж точно ничего съестного нет. Разве что изобрести какое-то блюдо, состоящее исключительно из сливочного масла и томатной пасты. «Придется после работы таскаться по магазинам», – уныло думала Настя, натягивая джинсы. Ходить по магазинам в поисках продуктов она не любила. Хорошо, что у нее есть Лешка Чистяков, иначе помереть бы ей с голоду по причине собственной лени. Кто он ей? Школьный друг, периодический любовник, вечный жених? Всего понемножку, но главное – он есть. И не имеет никакого значения, каким словом его называть. Вот папа, например, зовет Лешку рыжим гением, и в этом нет ничего обидного, потому что он действительно гений и действительно рыжий.

* * *

На работе все шло своим чередом, обычная рутина, если не считать того, что со вчерашнего дня можно было то и дело услышать, как сотрудники разных подразделений шепотом обсуждают перспективы кадровых перестановок. Ну, ясное дело, вся власть в стране теперь сосредоточилась в руках человека, ненавидящего нынешнего министра внутренних дел Щелочкова, и вопрос только в том, сколько времени понадобится, чтобы эта ненависть материализовалась в конкретные шаги. Смена министра неизменно влечет за собой смену всей команды, но начинают всегда сверху, и пока дойдет до низовых подразделений – или эмир умрет, или ишак сдохнет. Так что на местах, в принципе, волноваться вообще не о чем, но, однако ж, всех почему-то волнует этот вопрос. Особенно мужчин. Насте Каменской как женщине, работающей в самом низу иерархической пирамиды, все это было не особо интересно. Как бы ни менялась кадровая политика, сотрудники учетной группы – не те фигуры, о которых следовало беспокоиться. Они не принимают никаких решений, и от них ничего не зависит. Главная задача для Насти Каменской на текущий период – освоить знания, умения и навыки, слушать и наблюдать, чтобы четко понимать, как устроена система получения и прохождения информации, откуда берутся показатели, что на них влияет и как можно их изменять в сторону увеличения или уменьшения. В общем, «учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин и как учит Коммунистическая партия». И вторая задача – не накосячить так, что выгонят даже раньше, чем прилетят первые погоны с двумя маленькими лейтенантскими звездочками.

Ближе к середине дня ее попросили сходить за какими-то документами к заместителю по следственной работе Сабурову. Дверь в нужный кабинет оказалась заперта, неподалеку подпирал стенку незнакомый мужчина в форме с капитанскими погонами.

– Я тоже его жду, – сказал капитан, увидев, как Настя безрезультатно сначала стучит в дверь, потом дергает за ручку. – Он вышел, сказал, вернется через десять минут, а уж полчаса прошло.

Настя посмотрела на часы: пятнадцать минут второго. Этот зам по следствию вряд ли вернется раньше, чем через час. Все в управлении знали, что он всегда обедает строго вовремя и почему-то очень долго. То есть начинает трапезу в час, а вот заканчивает далеко не в два часа.

– Обед, – вздохнула она, сочувственно глядя на капитана. – Придется набраться терпения.

– А где у вас столовая? – оживился незнакомец.

– Только буфет. Но в основном мы – как все люди, приносим с собой бутерброды, едим прямо на рабочем месте. Вы, наверное, в министерстве работаете?

– Как вы догадались? – удивился он.

Настя пожалала плечами.

– Про столовую спросили. В министерстве есть, это точно. А нам не положено. Кстати, я как раз туда иду. Если хотите поесть – пойдемте, но Сабурова вы там все равно не найдете, начальники с простым народом не питаются.

Капитан понимающе улыбнулся и кивнул.

– Спасибо, пойдемте. И вправду есть хочется.

Они прошли коридор и начали спускаться по лестнице.

– А вы, значит, бутерброды с собой не приносите? – спросил он весело.

– Когда как. Сегодня не принесла, не из чего, дома ничего нет.

– Что ж так-то? До зарплаты не дотягиваете?

Настя рассмеялась.

– До магазина я не дотягиваю, а не до зарплаты.

Капитан, представившийся Константином, работал в Штабе МВД, в том подразделении, сотрудники которого выезжали в разные города страны для проведения инспекторских проверок. Он оказался приятным собеседником, и Настя с удовольствием болтала с ним, пока они стояли в очереди и потом пили невкусный кофе с молоком и жевали политые чем-то сладким плюшки, носившие гордое имя «марципан». С собственно инспекторских проверок разговор плавно перешел на планирование этих самых проверок.

– Про план я поняла, – сказала Настя задумчиво. – А внеплановые бывают?

– Конечно. Когда есть серьезные сигналы с мест, то проверяем, даже если в плане не стоит.

– А сами вы можете инициировать внеплановую проверку? Ну вот когда нет никаких сигналов с мест, ничего такого, а вы все-таки проверяете?

Капитан пожал плечами.

– Можем. Но зачем? Есть план, по нему и работаем. Нет сигналов – нет и оснований для внеплановой. Вы поймите, Анастасия, выезд комиссии – это большие командировочные расходы, они ведь тоже планируются, план командировок составляется заранее, существуют бюджетные ограничения. Никто не позволит...

– Это я тоже поняла. Мне другое интересно: бывает ли у вас такое, чтобы вы по каким-то признакам, но без всяких сигналов с мест, приходили к выводу, что вот это конкретное подразделение нужно проверить. Не «пора проверить», потому что срок подошел, а именно «нужно», потому что там явно что-то не так, что-то смущает.

Капитан призадумался.

– Хороший вопрос, – ответил он наконец. – На моей памяти такого не случилось, хотя я не так давно в Штабе, чуть больше года. Какие признаки вы имеете в виду? Раскрываемость, что ли? Или рост числа зарегистрированных?

Настя замолчала. Ей вдруг стало не по себе. Ну куда она лезет? Девчонка, соплячка, всего четыре месяца прошло после выпуска из университета, а перед ней стоит целый капитан, то есть человек, который служит не меньше семи лет. Он и без ее дурацких идей прекрасно знает, как делать свою работу. Вот сейчас высмеет ее... С другой стороны, пусть высмеет, она потерпит, зато потом он объяснит, почему ее идеи глупые и никуда не годятся. Она обдумает то, что он скажет, найдет ошибку в своих рассуждениях, чему-то научится, узнает что-то новое. Почему не попробовать? Страшно, конечно, она ведь совсем не знает этого Константина. А вдруг он начнет рассказывать в своем Штабе, на какую дуру нарвался в Бабушкинском РУВД, и эта самонадеянная девица еще пыталась учить чему-то многоопытного штабиста, при этом несла такую чушь, что уши вяли, и правильно, что баб на службу стараются не брать, у них

совсем мозгов нет... Потом до папы дойдет, ему будет неприятно. Мало того, что она вчера сунула нос, куда не просили, так еще и сейчас собирается влезть не в свое дело.

– Я... я имею в виду отчетность по форме три, – выпалила она дрожащим от страха голосом. – О следственной работе. О движении уголовных дел.

Капитан выглядел озадаченным. Даже жевать перестал на несколько секунд. Потом все-таки проглотил кусок марципановой булочки и сделал глоток почти остывшего кофе.

– Поконкретней, пожалуйста, – очень серьезно потребовал он.

Кажется, Константин и не собирается смеяться над ней. Но это пока. Он еще думает, что Настя скажет что-нибудь умное. Он же не знает, что она совсем неопытная, новичок в своем деле. Ой, что сейчас будет... И зачем она начала этот разговор?!

Настя набрала в грудь побольше воздуха, чтобы унять дрожь. «Нельзя быть такой трусихой, – сердито сказала она себе. – Нельзя вечно всех бояться».

– Можно, например, посмотреть соотношение показателей по пятой и сто девяносто пятой статьям УПК и соотнести их с показателями из формы один о количестве зарегистрированных преступлений и с цифрами из формы три о количестве дел, законченных расследованием. Сами по себе все эти цифры ни о чем не говорят, но в динамике может получиться любопытно.

– Например?

– Например, растет число возбужденных уголовных дел, это рассматривается как прямое подтверждение того, что выросло и количество преступлений, и обычно сразу начинают говорить, что растет преступность, ухудшается криминальная обстановка. Только ее почему-то все называют криминогенной. – Настя усмехнулась. – Хотя «криминогенный» – это способствующий появлению и развитию криминального. Ну, как патогенный микроб, который инициирует развитие заболевания, вызывает его. Так вот, если увеличивается количество дел и параллельно растет число зарегистрированных преступлений, то делается вывод об ухудшении обстановки, а если число дел растет, а число преступлений – нет? То есть растут на самом деле оба показателя, рост идет на протяжении многих лет в среднем примерно на два процента в год, это статистическая норма, но вдруг в какой-то момент один показатель увеличивается намного заметнее, чем другой? Тогда говорят об увеличении нагрузки на одного следователя и больше ни о чем. И никто не смотрит на количество уголовных дел, прекращенных по пять-один или пять-два, то есть либо за отсутствием события преступления, либо за отсутствием состава, что выясняется не в момент регистрации или выявления, а уже в ходе следствия. Понимаете? Криминальная ситуация может оставаться прежней или даже улучшаться, просто руководство в регионе из каких-то соображений решило перестать укрывать заявления и сообщения о преступлениях от регистрации, дало команду регистрировать все и возбуждать дела по всем фактам, а после тщательной проверки принимать процессуальные решения. Ведь может такое быть, как вы думаете?

Настя излагала свою мысль путано, и сама это осознавала, но надеялась, что Константин поймет. В университетском курсе им не объясняли, в чем разница между заявлением в милицию и зарегистрированным преступлением, и у студентов складывалось твердое, но совершенно ложное убеждение, что это одно и то же и что количество одного должно равняться количеству другого. А уж о таком явлении, как укрытие правонарушений и преступлений от учета, не только в университете, но даже и на службе упоминать было нельзя. Заявил человек, что его обокрали, – значит, учитывается как кража, заявил, что его побил незнакомый человек, – значит, в статистику попадает хулиганство. И только придя на работу в РУВД, Настя начала видеть, какой путь проходит информация, как она уточняется, проверяется и преобразуется. Пришел человек с заявлением о краже, допустим, и это заявление регистрируется в специальной Книге учета происшествий. Задержали сотрудники патрульно-постовой службы двух драчунов в общественном месте – информация об этом заносится в ту же книгу как хули-

ганство. А потом начинается проверка, и выясняется, что никакой кражи не было, а заявитель просто страдает рассеянностью или забывчивостью. И драка в общественном месте может оказаться вовсе даже не хулиганством, а совсем другим составом, например, побоями или вообще неудавшейся попыткой ограбления, если потенциальный потерпевший не растерялся и решил дать отпор. Всякое бывает. В первом случае никакого уголовного дела возбуждаться не будет, во втором его могут возбудить сначала по статье 206 «Хулиганство», а закончить уже со статьями 15 и 145 как покушение на грабеж. Карточка первичного учета по форме один «На зарегистрированное преступление» выставляется только тогда, когда уже точно понятно, было ли совершено преступное деяние на самом деле и какое именно. Поэтому «заявления и сообщения о преступлениях» это совсем не то же самое, что «зарегистрированное преступление». И по сути, и по цифрам. С недавнего времени Настя Каменская стала водить дружбу с парнями, выезжающими на «бытовуху», дотошно выпрашивала, что там было, кто на кого жаловался и почему. Эти выезды тоже заносились в Книгу учета, поскольку вызов милиции считался жалобой или заявлением, да только заканчивалось все, как правило, полным пшиком. Пьяный муж бьет жену, орет, носится за ней с ножом по квартире. «Ну что, женщина, забираем? Будем оформлять? Пусть посидит, подумает о своей жизни?» – «Ой, нет, не надо, не сажайте его, вы только поугайте как следует». – «Так что, не будете писать заяву о побоях?» – «Не буду, не буду, вы его заберите, пока не протрезвеет, утром выпустите, а сажать не надо». Вот и все. Побои относятся к преступлениям частного обвинения, то есть дело возбуждается только по жалобе потерпевшего, государство самовольно вмешиваться не может. Если потерпевший писать заявление не хочет, никакого дела не будет.

Таких нюансов было великое множество. И все их нужно знать, чтобы более или менее отчетливо представлять, как реальная живая жизнь преобразуется в огромные статистические таблицы с десятками строк и граф. Чем больше Настя вникала, тем больше разных странных идей приходило в ее неопытную голову, но поговорить об этом было не с кем. У папы Лени свои проблемы, он от статистики очень далек и вообще боится больших чисел, а среди коллег пока не нашлось ни одного, кому эти мысли оказались бы интересными или хотя бы достойными обсуждения. Теперь же, когда так неожиданно подвернулся сотрудник Штаба, Настя не смогла удержаться и поделилась с ним одним из ее открытий. Всего одним. И даже его не сумела изложить внятно, четко и коротко. Сидела перед ним, как школьница на экзамене, и с ужасом ждала ответа: может ли быть так, как она придумала, или она несет полный бред? Может ли какой-нибудь милицкий начальник ни с того ни с сего дать команду регистрировать все жалобы и заявления и возбуждать дела, если доследственная проверка дает к этому хотя бы малейшее основание?

– Теоретически – может, но самоубийц-то нет. Какой начальник будет подставлять свою голову под топор и показывать рост количества уголовных дел, даже если роста преступности на самом деле нет? За это можно и должности лишиться, ведь разбираться в показателях никто не станет. Растет количество возбужденных дел – значит, все ухудшается, а уж в какое количество зарегистрированных преступлений это потом выливается, считать не будут. То есть будут, конечно: посмотрят, увидят, что динамика количества преступлений в пределах нормы, и успокоятся, а с другими показателями сравнивать уже не станут. Хотя... – Константин пожевал губами и тщательно вытер пальцы салфеткой. – Если ваша идея сработает, то таким манером можно вычленишь регион, где руководство органов внутренних дел надумало идти не в ногу и пытается быть слишком самостоятельным. – Он понизил голос. – У вас есть еще идеи по выявлению диссидентов в среде правоохранителей?

Его глаза смеялись, а лицо приняло делано-заговорщическое выражение.

– Я говорю глупости, да? – затравленно спросила Настя. – Просто я совсем недавно работаю и мало знаю.

– Да я понял, что вы недавно работаете, иначе вы бы не заводили такие разговоры с незнакомым человеком. Анастасия, вы говорите правильные вещи, но не нужно их обсуждать со всеми подряд. Поверьте, это для вашего же блага. Но! – Он поднял палец в назидательном жесте. – Как говорил папаша Мюллер, помните? «Верить нельзя никому. Мне – можно». Вашу мысль я учту. Еще идеи есть?

– Есть еще по сто девяносто пятой, – неуверенно пробормотала она. – Часть первая, вернее, динамика цифр по части первой – это показатели работы подразделений розыска. То есть на самом деле у розыска есть своя отчетность, но ее обязательно нужно соотносить с количеством уголовных дел, приостановленных по части первой сто девяносто пятой статьи, то есть когда обвиняемый скрылся от следствия или суда или когда по иным причинам не установлено его местопребывание. А вот цифры по части третьей этой статьи, то есть когда не установлено лицо, подлежащее привлечению к ответственности, имеет смысл соотносить с показателями раскрываемости. Если сто девяносто пять-три растет, а раскрываемость при этом не снижается, то тоже возникают вопросы.

Константин слушал ее внимательно, и Настя постепенно успокаивалась.

– Вторую часть сто девяносто пятой можно использовать как лакмусовую бумажку уровня коррупции. Если в этом показателе есть положительная динамика, имеет смысл приглядеться внимательнее.

– В нашей стране нет коррупции, – заметил штабист, и снова в его глазах мелькнуло лукавство. – Она есть только в капстранах.

Настя прикусила язык. Опять она ляпнула что-то не то. Перевела за последние годы такое количество зарубежных материалов по проблемам преступности, что поневоле пропиталась терминологией, принятой в США и Западной Европе. Могла бы и сообразить вовремя, что коррупция – это такой дефект государственного управления, которого в советской стране не может быть по определению. Советское государство безупречно, дефектов в нем нет. А взяточничество – это так, мелочь, отдельное проявление пережитков прошлого в поведении отдельно взятых людей. Неприятно, конечно, и подлежит наказанию, но систему в целом не порочит.

– Но взяточничество же есть?

– Это да, есть, – кивнул он и добавил: – В отдельно взятых случаях.

Часть вторая статьи сто девяносто пятой уголовно-процессуального кодекса позволяла приостанавливать предварительное следствие «в случае психического или иного тяжкого заболевания обвиняемого, удостоверенного врачом, работающим в медицинском учреждении». Договорился с доктором, принес конвертик или подарок или пообещал покровительство в карьерном продвижении, или в постановке на очередь на улучшение жилищных условий, или, может, помощь в приобретении мебельного гарнитура – и пожалуйста, получите нужный диагноз. Часть обвиняемых действительно болеет, это непреложный факт, но их доля в общем числе лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, должна, по статистике, быть примерно одинаковой из года в год. А вот если эта доля увеличивается ни с того ни с сего, то появляются основания для неприятных мыслей.

– Интересно у вас мозги устроены, Анастасия, – сказал Константин, когда они уже выходили из буфета. – Такое впечатление, что вы за каждой цифрой, за каждым показателем пытаетесь увидеть обман. Вы и по жизни такая недоверчивая? Никому и ничему не верите? Во всем ищите подвох?

Насте послышались в его голосе неодобрение и упрек. Сердце снова предательски подскочило и забилось тяжело и глухо. Похоже, она распустила язык совсем не с тем человеком и наговорила то, чего говорить не надо было. Кажется, она поставила на своей службе в милиции большой крест. Обидно. Даже первые погоны получить не успела.

* * *

Старший лейтенант Коля Разин в очередной раз чертыхнулся и сморщился от боли. День не задался. Мама решила сделать сыну подарок ко Дню милиции. Чешские ботинки, черные, которые можно и с формой носить, и с гражданской одеждой. Форму оперативники надевают далеко не каждый день, и к ней на складе выдают ботинки установленного образца, если есть нужный размер. А если размера нет, то придется либо покупать самому за свой счет в обычном магазине, либо приезжать на этот склад еще раз, и еще, и еще... Но поскольку обувь не обязательно должна быть форменной, достаточно, если она будет просто черной, то никто особо и не заморачивался. Так что когда десятого ноября с утра мама Коли Разина торжественно вручила сыну обувную коробку и сообщила, что подарок куплен месяц назад и ждал торжественной минуты, Коля обрадовался. Нога у него была нестандартная, ступня слишком маленькая для взрослого мужчины, тридцать девятого размера, такой обуви на вещевой склад ГУВД не завозили, так что черные чешские ботинки пришлось как нельзя кстати. И вот сегодня Коля надел обновку в первый раз. Лучше бы не надевал.

Накануне вечером они допоздна слонялись по микрорайону, отлавливая тех, кто гуляет с собаками. Самые ранние обычно появлялись часов в восемь, самые поздние выходили около одиннадцати. Оперативники подходили к ним, разговаривали, задавали вопросы о вечере среды, показывали фотографии Сергея Смелянского и Аллы Муляр. Ничего. Но оставалась надежда на утренний обход, потому что в некоторых семьях с питомцами гуляют одни и те же владельцы, а в некоторых – разные. У кого есть время – тот и выходит.

Надев с утра пораньше новые ботинки, Николай с шести часов топтал территорию в радиусе километра от дома Смелянских. Уже к началу восьмого он почувствовал, что ботинки немилосердно натирают одновременно и пятки, и костяшки пальцев. Нужно было срочно раздобыть пластырь и заклеить ступни, но аптеки сегодня закрыты, а дежурной аптеки в микрорайоне нет... Хромая и чертыхаясь, несчастный старший лейтенант принялся высматривать телефонную будку. Спасительный выход он видел в том, чтобы попросить о помощи участкового, которого выделили ему в помощь и который должен был присоединиться и к восьми утра подойти на опорный пункт, чтобы встретиться с Разиным. Коля достал из кармана пальто мелочь, выкопал двухкопеечную монетку и позвонил.

- Юрок, у тебя дома пластырь есть? – жалобным голосом спросил он.
- Пластырь? – не понял участковый по имени Юрий. – Какой?
- Да обычный, мозоли заклеивать. Я ноги стер, а аптеки сегодня не работают.
- А-а... Понял. Сейчас спрошу. Люся! – крикнул он в сторону. – У нас пластырь есть?

Пластырь, к счастью, нашелся. Правда, до оговоренного времени оставалось еще больше получаса, но Юрий проникся сочувствием, сказал, что выйдет из дома через пять минут, а через десять уже будет в опорном пункте. Разин с облегчением вздохнул: опорный пункт милиции находится совсем рядом, буквально в двух сотнях метров. Можно потихонечку дойти и подождать. Заклеить боевые раны, перевести дух и продолжать обход вдвоем. Хорошо все-таки, что участковым обычно выделяют жилплощадь рядом с районом обслуживания! Если бы Юра, как и сам Николай, жил на другом конце Москвы, фиг бы удалось застать его дома: участковый давно уже был бы в дороге.

Он медленно ковылял по улице, когда увидел идущих навстречу мужчину с собакой на поводке и девочку лет десяти в спортивной одежде. Коля остановил их, представился, начал задавать вопросы.

– В среду вечером? – озадаченно переспросил мужчина. – Не помню... Я Дика по утрам выгуливаю, мы вместе с дочкой ходим в парк, она там тренируется, бегаёт. По вечерам обычно жена ходит с псом, хотя и я иногда, это уж как получается. А в среду...

– Ну пап! – нетерпеливо воскликнула спортивная девочка. – Мы же с тобой в среду в кино ходили! Помнишь?

– Точно! – обрадованно воскликнул мужчина. – В «Пионер», на мультики. А жена с Диком нас встречала после сеанса, и мы все втроем еще потом погуляли. А в чем дело, собственно?

Разин достал фотографии.

– Вам не попадались вот эти ребята? Девочка повыше мальчика, одета в пальто в черно-желтую клетку, мальчик ростом пониже, в серой куртке.

Мужчина открыл было рот, чтобы ответить, но дочка его опередила:

– Я их видела. Помнишь, я еще маме сказала, что они смешные.

– Почему смешные? – быстро спросил Николай, не веря своей удаче.

Неужели нашлись свидетели? Вот повезло!

– Ну, она же выше его, а это неправильно, – с непогрешимой уверенностью заявила девочка. – Женщина должна быть маленькой и хрупкой, а мужчина большим и высоким. Они впереди нас шли.

– Это точно были они? Если вы шли сзади, то как же ты смогла разглядеть их лица? – недоверчиво спросил Разин.

Он уже начал разочаровываться: девочка не видела подростков в лицо. Хотя насчет роста она все сказала точно. Похоже, это и в самом деле были пропавшие Сергей и Алла. Юная спортсменка посмотрела на старшего лейтенанта удивленно и чуть высокомерно.

– Она была в пальто в клетку, а он в куртке. Вы же сами так сказали. Я запомнила. А когда они остановились, мы их обогнали, и я видела лица.

– Остановились? Где? Они кого-то встретили и остановились, чтобы поговорить?

– Ну да. Там машина стояла и два дядьки...

– Юля! – строго одернул девочку ее отец. – Нельзя так говорить. Не «два дядьки», а двое мужчин. И вообще, не выдумывай, пожалуйста. Я ничего такого не помню.

– Так ты с мамой в это время разговаривал. Ничего я не выдумываю, – возмутилась девочка Юля. – Дик напи2сал какой-то машине на колесо, ты рассердился, что мама его не одернула, вы начали ссориться.

Мужчина смутился.

– Да, было такое... Машина стояла возле магазина «Электротовары»...

– Ну и вот! И в это время как раз эти смешные остановились и стали с дядьками разговаривать. Я и повернулась специально, чтобы их рассмотреть. А вы с мамой вообще на меня внимания не обращали, шли и ссорились, – с обидой проговорила Юля.

– В котором часу это было? – спросил Разин.

Мужчина призадумался.

– Где-то около восьми, наверное. Или в начале девятого. Наш сеанс начался в девятнадцать десять, следующий был в двадцать ноль-ноль, это я помню, потому что с женой договаривался о времени встречи. Значит, из кино мы вышли примерно без десяти восемь, пошли в сторону Большой Грузинской, прогулялись немного и повернули назад. Кажется, «Электротовары» мы проходили минут через пятнадцать-двадцать.

Николай перевел взгляд на Юлю.

– А то место, где ребята остановились, было далеко от магазина?

Девочка выразительно пожала плечами.

– Не знаю... Мы прошли булочную, которая на углу, потом «Ткани», потом еще дома были...

– Но ты можешь припомнить хотя бы примерно то место, после которого ты этих ребят уже не видела? – попытался Коля. – Вот смотри: ты идешь мимо «Электротоваров». Видишь их впереди?

– Вижу.

– Вот угловая булочная. Там, кстати, очень вкусные рогалики продают, только их нужно ловить, пока свежие. Видишь ребят?

– Да.

– Вот магазин «Ткани». Ты их еще видишь?

– Ну да, я же сказала! – Голос Юли становился сердитым.

– А вот химчистка и рядом ремонт обуви. Все еще видишь?

Николай мысленно похвалил себя за то, что так хорошо изучил свой район.

– Нет... Мы когда химчистку проходили, папа как раз перестал на маму ругаться, потому что они стали говорить про папин костюм, который нужно не забыть сдать в химчистку до того, как будет папин день рождения. А когда я видела, как ребята остановились, папа с мамой еще ссорились. Я остановилась на чуть-чуть, чтобы посмотреть на мальчика, мне было интересно, почему та девочка с ним ходит, если он такой маленький. Ну и вот, я остановилась, а папа с мамой даже не заметили, что я отстала.

В голосе Юли снова зазвучала горькая обида. Видно, привыкла быть центром вселенной для своих родителей и подобное невнимание восприняла как оскорбление.

– Ты очень наблюдательная, Юленька, – с искренним уважением сказал старший лейтенант. – Значит, на обочине стояла машина и рядом с ней двое мужчин? Правильно?

– Нет, неправильно. – Девочка буквально светилась от гордости, ведь она помогает настоящему взрослому милиционеру, а вот папа стоит столбом и выглядит совершенно беспомощным. – Они стояли в подворотне.

О как! Любопытно.

– Ты не слышала, о чем они разговаривали?

Юля презрительно сморщила носик.

– Про отделение какое-то и про техникум.

Ну совсем интересно! Допустим, двое мужчин заблудились в незнакомом районе, им нужно найти отделение какого-то техникума. Что они станут делать? Притормозят у тротуара, выйдут и начнут расспрашивать прохожих. Это логично. А вот ставить при таком раскладе машину в подворотне совсем нелогично. И задавать вопросы школьникам, которые по виду явно младше тех, кто учится в техникуме, нелогично вдвойне.

Удача, сверкнувшая Коле Разину белозубой улыбкой, решила, кажется, что старлею на сегодня хватит радостей: ни машину, ни тех двоих мужчин внимательная остроглазая Юленька не рассмотрела. В подворотне было темно.

Девочка с живым любопытством взглянула на Разина.

– А что эти ребята сделали? Украли что-нибудь, да?

– Надеюсь, что нет, – улыбнулся в ответ Коля.

– А зачем вы их ищете?

– Нам обязательно нужно их найти, вот и все. Мы точно знаем, что в среду вечером они гуляли где-то в этом районе, поэтому спрашиваем всех, не видел ли их кто-нибудь. Ты можешь точно вспомнить, в каком именно месте они остановились?

– Нет, – растерялась девочка. – Я могу показать, только это далеко отсюда, а мне еще позаниматься нужно и потом на хореографию.

– А вы, – обратился Разин к ее отцу, – помните, хотя бы приблизительно, где ваша собака пометила колесо?

– Я уже говорил: возле «Электротоваров» на Большой Грузинской. Это машина моего бывшего одноклассника. Он всегда там ставит машину.

– Может, вы все-таки заметили, в каком месте подростки остановились?

Мужчина покачал головой.

– Не обратил внимания. С женой разговаривал, по сторонам не смотрел. Я и подростков-то этих не помню. Но Юля действительно говорила своей маме что-то насчет того, что смешно... Я не вникал, о чем речь, думал про свои проблемы на работе. Простите, – он с озабоченным видом взглянул на часы, – у вас еще есть вопросы? А то мы не успеваем.

– Последний вопрос, – заторопился Разин. – Мне нужно записать вашу фамилию, адрес и телефон, мы обязательно еще раз с вами побеседуем.

– Пишите, – со вздохом сказал Юлин отец.

Он радости Коля даже боли почти не чувствовал, пока преодолевал последние метры до опорного пункта, где его уже ждал добросердечный участковый Юра с пластырем и воткнутым в банку кипятильником.

– Пожрать не успел дома, – пояснил он, с шуршанием вскрывая красную обертку пачки печенья «Юбилейное». – Торопился тебя спасти, работал «скорой помощью». Чай будешь?

Разин отрицательно помотал головой.

– Не до чаю, Юрок. Ты пей, пока я с ногами разберусь, и побежим. Кажется, есть зацепка.

– Да ну? Правда, что ли?

– Ага. Ножницы дай.

Коля уселся на стул, расшнуровал ботинки и начал осторожно стягивать их со ступней. Боль стала такой жгучей, что старший лейтенант чуть не взвизнул. Аж слезы на глазах выступили. На коричневых носках темнели подозрительные пятна.

«Опять в кровь стер. И всего за неполных два часа. Вот же дал бог кожу на ногах! Тонкая, нежная. Девки за такую кожу на лице убились бы насмерть. Так нет же, природа иначе распорядилась, у какой-то девицы отняла и мне на ноги присобачила», – с досадой подумал Разин. До крови оказались стерты не только пятки, но и костяшки пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.